

ЛДПР

**В.В. ЖИРИНОВСКИЙ
С.А. ВОРОНИН**

**РОССИЯ –
ЕВРОПА:
ИСТОРИЯ
НЕПОНИМАНИЯ**

**ВСТРАИВАНИЕ РОССИИ В ЗАПАД ОЗНАЧАЕТ
ТОЛЬКО ОДНУ ПЕРСПЕКТИВУ –
ПЕРСПЕКТИВУ САМОЛИКВИДАЦИИ!**

По исторической логике победителей, после восстановления мира и подписания соответствующих соглашений надо было прагматично выкачивать все ресурсы побежденных государств для максимальной компенсации собственных потерь.

Но на практике это ни разу не делалось. Так мы пришли к Октябрьской революции 1917 года, а затем и к перевороту в 1991-м.

А вот подлый Запад всегда выкачивал из побежденных все – до последнего талера, франка или пиастра.

Сегодня главный мировой грабитель и разоритель – Соединенные Штаты Америки. Они сейчас добиваются не местных побед и грабежа, не мелких геополитических уступок по всему миру. США необходимо доминирование над Россией, подчинение России себе, для того чтобы впоследствии успешно противостоять Китаю – на сегодняшний день главному и наиболее принципиальному своему конкуренту.

Раз за разом упуская инициативу в жестком соперничестве с Россией, Китаем и другими стремительно усиливающимися странами, Запад во главе с США все чаще совершает критические ошибки, не принимая во внимание возможность симметричного ответа.

Владимир Жириновский

ЛДПР

РОССИЯ – ЕВРОПА: ИСТОРИЯ НЕПОНИМАНИЯ

Встраивание России в Запад означает только одну
перспективу – перспективу самоликвидации

Москва
2018

В.В. Жириновский, С.А. Воронин

Россия – Европа: история непонимания. – М.: Издание ЛДПР, 2018. – 112 с.

Никогда Запад не оставлял попыток разрушить Русское государство.

Возьмем, к примеру, Киевскую Русь. Она кровью своих дружин остановила полчища монголов, не дав им вырезать Запад. Сама погибла, но спасла остальные европейские государства.

А Запад «отблагодарил» русских завоеванием Порусья (Пруссии) и экспансией католицизма в наши западные земли.

Прошли века, но Запад не прекратил своих попыток уничтожить Россию, лишить ее веры и государственности. Убийство русских царей, революции, стравливание народов России между собой, втягивание нашей страны в провокации – вот только малая часть той подлой необъявленной войны Запада против России.

Эта книга будет полезна всем, кто ищет аргументы против навязываемой нашему обществу мировой информационной паутиной мнения о Западе как о самом добром, справедливом и успешном проекте европейской цивилизации.

На самом деле этот проект с каждым веком все более показывает тупиковость пути, по которому пошли Западная Европа и США, отказавшиеся от Бога ради золотого тельца.

ISBN 978-5-4272-0054-7

© ЛДПР. Москва, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня отношения Запада–Европы и России переживают очередной кризис и выходят на новый виток конфронтации. Как представляется, в этой фразе ключевыми являются слова «очередной» и «новый виток». Именно эти определения наших взаимоотношений с Европой несут основную смысловую нагрузку, поскольку все новое зачастую является хорошо забытым старым. Историкам, политологам, экспертам, да и просто людям старшего поколения хорошо известна прописная истина о том, что противостояние России и Запада это не новое качество, присущее путинской России. Так было испокон веков. Молодежь, поколение, воспитанное на европоцентристских школьных учебниках, изданных Фондом Сороса, и родившееся в 90-е и нулевые годы, полагают иначе, видя в нынешних отношениях России и Запада лишь современный цивилизационный феномен, ошибочно считая, что с Западом можно и нужно дружить, что стоит нам подлатать или изменить политическую систему, пойти на уступки, как западные элиты распахнут свои широкие объятия, и мы станем частью единой европейской цивилизации, вольемся в так называемое цивилизованное сообщество, приблизимся к западноевропейским ценностям.

Важно уяснить, что так не будет. Этого не произойдет никогда. Такова констатация факта. Необходимо избавиться от иллюзий и заблуждений, понять глубинную

сущность явлений – и тогда все сразу встанет на свои места. Необходимо наконец осознать, что Запад и Россия – это непримиримые оппоненты. Мы не геополитические партнеры, а политические и экономические конкуренты. В режиме санкционного давления Россия не должна придерживаться тактики «вызов – ответ», «их санкции – наши контрмеры». В любой борьбе ответная политика обречена на провал. России необходимо выработать свою наступательную социально-экономическую и политическую конкурентную модель. Это совсем не означает, что она будет носить агрессивный по отношению к Западу характер. Просто нам необходимо выпрыгнуть из прокрустова ложа западных ценностных координат и вернуться к своим традиционным моделям развития, иначе мы будем обречены на постоянное догоняющее, а не опережающее движение и навсегда останемся периферией, окраиной по отношению к центру.

Исторический опыт показывает: как только Россия выдвигала свою модель развития, она мгновенно вырывалась вперед, перестав копировать западные образцы. Отказаться от подражательного европейничанья трудно, но нужно. Тем более что вся западноевропейская система ценностей, политико-экономического развития нам глубоко чужда.

Каковы так называемые ценности Запада? Индивидуализм, эгоизм, высокомерие, жесткая бесчеловечная конкурентная борьба, построенная на видовом отборе по принципу «выживает сильнейший», презрение к слабости и бедности, колониальные захваты и грабежи. Протестантская этика, сформировавшая в конечном счете звериный капитализм и теоретически оправдавшая расизм,

нацизм и фашизм. Вот это и есть культурный код Запада. Мы этому хотим научиться и на этих «ценностях» воспитать молодежь? На Украине пошли по этому пути, и плачевный результат налицо.

Нам необходимо понять, что Россия – это не Запад и не Восток. Россия так велика и самобытна, что не нуждается в приобщении ни к западноевропейской, ни к азиатской моделям. Россия – это российская цивилизация. Неудивительно, что этого в свое время не заметил английский историк А. Д. Тойнби, хотя многое объясняет его тесное сотрудничество с британскими спецслужбами. Не заметил российскую цивилизацию и современный теоретик и классификатор цивилизаций американский исследователь С. Хантингтон, сотрудничавший с Госдепом. Как известно, заказы надо отрабатывать. Формировать картину мира, где центр – Запад, а периферия – Россия и все остальные страны. Этаким политический расизм.

Единственной настоящей ценностью Запада, ресурсно нищего и истощенного, всегда было искусство убийства на расстоянии. От пулемета Максима до ядерного оружия. Запад всегда выживал за счет ограбления чужих территорий и поэтому развивал и развивает единственную технологию – вооружения, технологию убийства. Формулой выживания Запада была и остается непрекращающаяся экспансия – захват и закабаление народов и их богатств. Лакомым куском мировой политической карты, говоря словами З. Бжезинского – «великой шахматной доски», является Россия, в какой бы форме политического устройства она ни существовала – царство, империя, Советский Союз или Российская Федерация.

Россия – велика и богата. Спору нет, это так. Но надо развивать другие наукоемкие сферы и технологии. На Западе часто пишут о российской нефтяной игле, нефтегазовом проклятии, намекая на нашу зависимость от мировых цен на углеводороды. Но всем бы на Западе такое проклятие. Пишут от зависти к нашему богатству, выходят из себя от ненависти и злорадства. Мечтают прибрать Россию к рукам, внушая нам через информационные атаки, что во всем виновата российская политическая система: смените президента, поставьте марионетку – и конфронтации конец.

Ни в коем случае нельзя поддаваться на эти уловки. Судьба России без самостоятельного и суверенного лидера – та же, что была уготована блокадному Ленинграду: полное поражение и уничтожение. Потеряем суверенитет – потеряем Россию.

Противостояние с Западом – не современная новация, ему уже тысяча лет. С 1054 года – великого раскола христианства мы стали Западу чужими, ценностными оппонентами, несогласными. А с несогласными на Западе, несмотря на так называемую демократию, разговор короткий: кто не с нами, тот против нас. Запад не настроен на диалог, на поиск компромисса. От псов-рыцарей тевтонского ордена до сенатора Маккейна и его клики. Запад продвигает только свое, единственно правильное мировоззрение.

А коли так, Россия не должна быть слабой, не должна плестись в прицепном вагоне. Мы должны сформировать свою мировую повестку, сценарий глобального развития мира, исходя из принципа «единства мира в его многообра-

зии», а не в диктате одного сюзерена, где все остальные – раболепные вассалы.

Следует уяснить, что мы разные, иные, чем западноевропейцы. У нас разные исторические судьбы и уроки. Не могу не привести в связи с этим характерный пример этих отличий. В 90-е годы прошлого столетия мой коллега, сын ленинградского блокадника, побывал в Париже, где встретился с пожилой дамой, пережившей немецкую оккупацию в Париже. Он спросил ее: «Какие самые тяжелые лишения вы пережили при оккупации?» Парижанка надолго задумалась, а потом ответила: «Пожалуй, отсутствие зернового кофе, а молотый я не пью». Как говорится, комментарии здесь излишни.

Однако наши различия не закрывают и пути к сотрудничеству, но на расстоянии, без лобзаний и поцелуев. Прагматично, как они, кстати, и любят. Необходимо, чтобы они приняли наши правила игры, при этом не отказываясь от своих. В этом и состоит искусство политического компромисса.

В Европе должны наконец понять, что Россия не является опасностью и ни на кого не собирается нападать, и умерить приступы русофобии. Нам бы свои территории освоить. В этом смысле трудно не согласиться с заместителем Председателя Европарламента М. Мауро, который еще 9 лет назад писал, что «самую большую опасность для Европы представляет сама Европа». Современная Европа, а не Россия, находится в глубоком кризисе, полностью утратив суверенитет, измотанная иммиграцией, пляшущая под американскую дудку и не принимающая простого рецепта для выживания – налаживания тесного диалога с Россией.

Непростым отношениям России и Европы и посвящена данная работа. В ней мы, конечно, не претендуем на то, чтобы объять необъятное. Но попробуем показать основные вехи выстраивания этих взаимоотношений, где Россия пыталась понять и принять позицию Запада, а он неизменно отвечал ей предательством и неприкрытой русофобией, пытаясь навязать нам свою модель развития и картину мира.

Внешние ориентиры и изучение чужого опыта, конечно, весьма полезны. Но вряд ли нужны всякого рода понукания и толчки извне. Они могут быть только контрпродуктивными, ибо российских реалий на Западе не понимают. Нужны своя голова на плечах и чувство меры – только тогда не на словах, а на деле может получиться какой-то толк.

Путь преодоления заблуждений тернист и долог. Выражаем надежду, что наше издание сможет навести фокус на многие проблемные вопросы и помочь лучше разобраться в исторических хитросплетениях, а следовательно и понять современные события.

КАК ФАБРИКУЮТ НОВОСТИ. «ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Вот уже четверть века Запад, победивший в холодной войне, навязывает свою идеологию России, в этой войне проигравшей. Запад, являясь геополитическим противником, насаждает в России либеральное устройство, прямо противоречащее российскому жизнеустройству. Через экспорт идеологии Запад фактически до последнего времени осуществлял колонизацию России, ставя под угрозу само существование нашей страны.

Западничество обрушивалось на Русь – Россию в течение нескольких столетий под различными идейными соусами. В Средние века агрессия Запада проходила под вывеской католического объединения. Выдвигалась идея дряхлости православного Востока. В Новое время западничество продвигалось в форме просвещения и обмирщения (то есть ухода от религиозности). В череде исторических перерождений западной экспансией против России были фашизм и нацизм. И наконец, в настоящее время нам назойливо навязывают либерализм.

К великому сожалению, внешний напор Запада поддерживала и поддерживает изнутри «пятая колонна». В этом смысле между русскими средневековыми «латинянами» и современными провокаторами «оранжевых» революций прослеживается тесная преемственность. Антироссийскость, ненависть к русским являлась и остается объединяющей платформой для всех этих идеологических вариантов.

Важно понять суть происходящего и ответить на вопрос, мучающий российских западников – либералов: «Почему же нельзя принять западнический зонтик, встать под их знамена? Мы же побежденные, а они победители. Может быть, принятие позиции сильного обеспечит с его стороны защиту?»

Такой подход принципиально неприемлем для России. И дело здесь не только в территории и наших запасах полезных ископаемых, на которые Запад всегда покушался, пытаясь в 90-е годы прошлого столетия свести Россию к сырьевому придатку. Для обеспечения работы нефте- и газопроводов, шахт 140-миллионное население РФ представлялось избыточным. Об этом откровенно и цинично заявляли многие представители западной элиты. Маргарет Тэтчер: «Россиян следует сократить до 15 миллионов, обслуживающих скважины и рудники». Бывший британский премьер Дж. Мейджор вторил «железной леди»: «Задача России после проигрыша в холодной войне – обеспечить ресурсами благополучие стран Запада. Но для этого ей нужно всего 50 миллионов человек».

Так в чем же суть проблемы? Что помимо обширной территории, богатой ресурсами, вызывает агрессию Запада?

Запад и Россия всегда на протяжении истории находились в состоянии противостояния и оппозиции. Основной точкой расхождения являлся и остается вопрос о различных ценностях. Есть и основной идеологический стержень противоречий.

Как известно, христианское видение мироздания выражается учением о пяти мировых царствах-империях. Оно носит мировой, вселенский характер. Но основной вопрос заключается в том, где находится центр Римской империи. На эту роль претендовали и христианский Запад, и христианский Восток – Россия в форме известной формулы Третьего Рима. Борьба шла и идет бескомпромиссная. Либо Запад, либо Россия. Выбор в пользу одной из сторон предполагает лишение законности другой стороны.

Сегодня преемниками Рима видят себя США, возглавляющие объединенный расширенный Запад, и Россия. Отсюда и непримиримость наших противоречий, санкций, соперничество в сфере военных технологий.

При этом Россия никогда не продвигала свою философию в ущерб Западу. А Запад неизменно рассматривал Россию как основное препятствие для победы своего проекта, своей идеологической доктрины, конечной целью которой является стремление к мировому господству. А лучшим средством замаскировать собственные намерения и планы всегда является попытка обвинить в этом своего противника. Запад всегда прилагал и прилагает огромные усилия по обвинению России в агрессии и стремлении к расширению территории. В этой связи особенно показателен пример с так называемым «Завещанием Петра».

Западноевропейский миф об извечно агрессивном характере России нередко обосновывается якобы существующим и передающимся из поколения в поколение правителей России «Завещанием Петра I».

В 1836 году Фредерик Гайярде в работе «Мемуары кавалера д'Эона» опубликовал копию плана европейского господства, якобы оставленного Петром. Гайярде поясняет: этот документ нашел в секретных архивах Петергофского дворца некий кавалер д,Эон и в 1757 году передал его в руки короля Людовика XV.

Мешая правду с вымыслом, автор создавал образ русской опасности. Из этого документа читателю становилось ясно, что у Петра I были грандиозные замыслы и что они не похоронены вместе с ним. Их осуществление таит угрозу для всех европейских государств.

В записках французского шпиона и агента влияния кавалера д,Эона можно найти упоминание о том, что в 1757 году он, благодаря тесной дружбе с царицей Елизаветой Петровной, получил доступ в архивы. Там он скопировал «Завещание Петра Великого» – инструкцию Петра наследникам, как надо стравливать европейские державы, расширять пределы Российской империи, чтобы в конечном счете достичь мирового господства. Якобы д,Эон отдал это «Завещание» королю Людовику XV в Париже.

В 1778 году отставленный от двора и потерявший былое влияние д,Эон пытался напомнить о себе, для чего был найден отличный предлог – раздел Польши между Россией и Пруссией. Именно его кавалер д,Эон интерпретирует как реализацию «излюбленного плана Петра Великого,

страстно желавшего приблизить свои границы к Германии, чтобы играть там серьезную роль».

Итак, что же представляет собой так называемое «Завещание Петра Великого»? Это только слух, и не более. Слух, запущенный политическим авантюристом, для того чтобы вернуться в политику. Однако фальшивка неоднократно извлекалась из пыльного сундука.

В 1807 – 1811 годах Наполеон готовил общественное мнение Европы к походу на Россию. Сначала в Париже были запущены в обращение две брошюры, включавшие вариант текста «Завещания», взятого из сочинения некоего польского эмигранта Михала Сокольниковского, написанного в 1797 году.

Предположительно в 1812 году по прямому указанию Наполеона французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «О росте Русского государства с момента его возникновения до начала XIX века». Ее автор уверяет, что в личных архивах русских императоров хранятся секретные материалы, написанные собственноручно Петром I, где якобы изложен план политической деятельности, рекомендованный Петром I своим преемникам. В книге приводится сам план, состоящий из 14 пунктов, направленный на расширение территории России.

Текст «Завещания» не опубликован, и Лезюр использует слухи, чтобы убедить европейскую публику в наличии агрессивных и наступательных устремлений российской внешней политики. Суть слухов такова: якобы Петр I подробно спланировал территориальную экспансию в север-

ном, южном и западном направлениях, вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии. Как же с такой страной не воевать?! А затем появилась и сама фальшивка, завершавшаяся «страшными» словами: «Так можно и должно будет покорить Европу».

Профессиональные историки давно доказали, что так называемое «Завещание Петра Великого» – грубая фальсификация. Но в нее многие на Западе поверили. Так миф начал самостоятельную жизнь, совершенно независимо от того, что было в реальности.

«Завещание» используется в западноевропейской антироссийской пропаганде вплоть до наших дней, неизменно всплывая при каждом обострении отношений с Россией как подтверждение мифа о русской опасности.

Занятно, но факт. В Европе лучше, чем в любом другом месте, знают: это фальшивка. Ведь д,Эон на самом деле вообще никогда не привозил во Францию ни авторский документ Петра Великого, ни его копии. Он только составил для короля меморандум об основных внешнеполитических аспектах политики Российской империи. Записки кавалера д,Эона и сейчас хранятся в архивах французского МИДа, и французам прекрасно известно, что в них написано.

Тем не менее фальшивка извлекалась на свет всякий раз, когда недругам России надо было оправдать свои агрессивные замыслы и действия. Так, интерес к ней усилился в 1854 – 1855 годах. Англо-французская пресса тогда объясняла агрессию союзников в Крыму необходимостью пресечь «старинные захватнические планы потомков Петра».

О «Завещании» вспомнили еще раз в 1876 году в связи с началом освободительного движения балканских народов: вот, мол, Россия опять наступает, мирового господства хочет.

В 1915 году немцы инспирировали публикацию «Завещания» в иранских газетах. Замысел был прост: вызвать страх и недоверие к России в соседней, очень лояльной к ней стране. Берегитесь! Скоро придут русские казаки! Мало не покажется! Будут мыть сапоги в Индийском океане!

В ноябре 1941 года, когда стал очевиден провал блицкрига, немецкие газеты вновь повсеместно публикуют «документ», предваряя его крикливым заголовком: «Большевики выполняют завещание Петра Великого о мировом господстве».

Известно, что обвинения в адрес Советского Союза в стремлении к «мировому господству», в намерении выполнить «Завещание Петра Великого» раздавались и в годы холодной войны. И уже в XXI веке экс-министр обороны США Дональд Рамсфельд заявлял, что «Россия – это новая угроза», и ссылаясь на «Завещание».

Начиная со второго президентского срока Путина в США стало просто дурным тоном не кричать на каждом углу об «имперской политике» России. При этом любят подчеркивать одну деталь: сам Путин – из Петербурга, любит все, связанное с памятью Петра, даже у себя в кабинете Президент Российской Федерации повесил портрет первого русского императора.

На этом небольшом примере хорошо видно, как на уровне политического противостояния постоянно используется заплесневелый миф, которому уже больше двух веков. Ме-

няются государства, грохочут войны и революции, изменяется облик земли, а миф «благополучно» сохраняется и используется снова и снова.

Ни о какой другой стране в мире на Западе не сочинено столько политических черных мифов, как о России. В этом отношении мифы о России – явление в мировой истории уникальное. Эти мифы настолько живучи, что невозможно объяснить их появление и сверхдолгую жизнь простой случайностью.

Объяснить явление довольно просто: Россия уже 250 лет, с середины XVIII века, является главным конкурентом и геополитическим противником Запада. Как только стала «противником», так сразу и возник комплекс черных политических мифов. Поскольку Россия до сих пор – конкурент и противник, то и мифы никуда не исчезли. Разобраться в том, как обстоят дела на самом деле, и есть наша задача.

РУССКИЙ ВОПРОС И ЛИНИЯ РУСОФОБИИ В ЕВРОПЕ

Русский вопрос, формирование негативных стереотипов восприятия образа России возникает на Западе в момент возвышения Руси, а именно во времена правления Ивана III, когда изумленная Европа встретила лицом к лицу с новым сильным государством. Обострение же вопроса отмечается в конце XVIII – XIX веке, что вновь было связано с усилением и расширением границ Российской империи.

Русский вопрос имеет для этого времени два исторических основания. Во-первых, это особенности существования русских в многонациональной империи. К XIX веку сложилась необычная ситуация в центре и на окраинах России, когда обитатели «окраин» (Польша, Финляндия, Прибалтика) получали большие социально-политические и экономико-правовые преимущества по сравнению с жителями центральной России. При дворе нередко особую роль играли выходцы из этих самых окраин.

Во-вторых, династический характер внешней политики России, направленной на сохранение европейских монархий и политического баланса сил в Европе, участие во всех европейских войнах привели к возникновению в сознании ев-

ропейцев устойчивого страха перед силой России. К этому следует прибавить и фактор страха перед материальной силой, ресурсной мощью России.

Итак, в XIX веке оформилось пять основных линий в русофобии Запада, на которых мы вкратце и остановимся.

1. Британская русофобия

Значительную роль в восприятии России и русских русофобия играла и продолжает играть в Великобритании. Для этого были и есть свои основания. Россия и Британия в XIX веке оказались по разные стороны баррикад как в Европе, так и на Востоке. Британия активно вмешивалась во внутреннюю политику России в XIX – начале XX века, начиная с участия в подготовке убийства императора Павла I, поддержки терроризма на Кавказе и заканчивая организацией заговора с целью устранения Григория Распутина и разжиганием революционной смуты в России.

Среди английских русофобов прежде всего следует выделить особо выдающихся ненавистников России: Роберт Уилсон, Джордж Эванс, Дэвид Уркхарт, Генри Роулинсон, Арминий Вамбери.

Из этой компании остановимся изначально на взглядах и оценках Д. Уркхарта, поскольку именно он оказал колоссальное влияние на формирование устойчивых русофобских взглядов Карла Маркса. Уркхарт и его издания («Турция и ее ресурсы», «Англия, Франция, Россия и Турция» и др.) стали воплощением и олицетворением британской русофобии. Развернутая им пропагандистская кампания против России имела ряд особенностей. Он не просто критиковал Россию, а предлагал практические рецепты по

ее нейтрализации, значительно расширил круг источников, якобы подтверждающих агрессивный характер внешней политики России. Антироссийская пропаганда Уркхарта была настолько успешной, что он был назначен секретарем британского посольства в Османской империи. В этот период проявляется большой интерес Уркхарта к использованию черкесов для противодействия России на Кавказе. К середине XIX века относится знакомство Уркхарта с Карлом Марксом, который под его влиянием начал готовить памфлеты, направленные против Российской империи и русских.

Также активно трудились на ниве русофобии, формируя в Европе устойчивый стереотип о захватнической политике России, Р. Уилсон, Г. Ролинсон и Дж. Эванс. Любопытно название книги британского автора венгерского происхождения Арминия Вамбери «Предстоящая борьба в Индии», изданной в 1885 году. Это своего рода обоснование превентивного удара. Существует русская угроза Британской Индии, а следовательно, надо, не дожидаясь действия русских, начинать «игру» первыми. Его стратегия чуть было не воплотилась в жизнь в том же 1885 году, когда Россия и Британия столкнулись в ходе «Большой игры» в Афганистане. Стороны удержались от продолжения конфликта. Кстати, следует обратить внимание на то, что значительное влияние на настроения в Британии в XIX веке оказывала русофобски настроенная польская эмиграция.

Своего апогея масштабная антироссийская пропаганда достигала в период Крымской войны (1853 – 1856) и Русско-турецкой войны (1877 – 1879).

2. Французская русофобия

Отношения России и Франции в начале XIX века складывались очень не просто. Периоды политической напряженности в мире неизменно воскрешали в сознании французов ненавистный образ «русского медведя». Французскую русофобию этого времени можно разделить на три этапа.

Первый период напряженности возник в эпоху Наполеоновских войн. Агрессивная завоевательная политика Наполеона обосновывалась мифом об уже упомянутом выше «Завещании Петра I».

Второй этап русофобских настроений наступил после охлаждения отношений во время Июльской революции 1830 года. Взошедшего на престол Луи Филиппа император Николай I считал узурпатором, похитившим корону. В это время как из рога изобилия хлынули неточные, одиозные, а порой откровенно лживые и вымышленные труды и записки о России.

Наиболее старательно продвигали русофобские взгляды: А. де Кюстин, Ж. Мишле, Э. Кердериуа, Г. Доре, А. Мартен.

Астольф де Кюстин добился разрешения в 1839 году совершить путешествие по России и издал в 1843 году в Париже работу под незамысловатым названием «Россия в 1839 году». Книга продемонстрировала чудовищный зоологический характер описаний, оценок и выводов французского автора. Приведем некоторые из них. Российская власть это «чудовищная смесь византийской мелочности с татарской свирепостью», русские в описании Кюстина «хитрые, вороватые, жестокие, уродливые, симбиоз людей с клопами и тараканами». Внешняя политика России обладает «необуздан-

ной страстью к завоеваниям и угрозами Европе, в которой видит свою добычу».

Третий всплеск русофобии приходится на период Крымской или, как ее называют на Западе, Восточной войны (1853–1856).

В это время цикл антироссийских статей написал французский историк Жюль Мишле, который впервые употребил, задолго до Рональда Рейгана, определение в отношении России – «империя зла». Он также не стеснялся в оценках русских, не выбирая выражений. По его мнению, «русские еще не вполне люди, единственное, что может их спасти, – свержение деспотичной власти императора».

Его идеям вторит и Эрнест Кердеруа, который считает Россию «варварской страной, способной лишь завоевывать и разрушать». Эта страна «дубина, которая расплющит западные страны».

Свою лепту в дело русофобии внес и известный живописец и график Гюстав Доре, создающий сатирический образ России. По его мнению, первый русский появился в результате «порочной связи белого медведя и моржихи».

Анри Мартен в своих работах указывает на пропасть, отделяющую москвитя от европейца. Весьма любопытен вывод его труда: «Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет».

Исторический парадокс конца XIX века состоял в конечном итоге в том, что война произошла не между Европой, Францией и Россией, а между Францией и Пруссией. У России хватило ума наконец-то не вмешиваться и не помогать Франции. В итоге Франция потерпела сокруши-

тельное поражение от немцев, весьма близких ей по культуре и духу.

3. Немецкая русофобия

Объединение Германии, предполагавшее территориальное преобразование Европы, было немыслимо без ослабления позиций России. Николай I и его министр иностранных дел К.В. Нессельроде считали объединение Германии «нелепыми выдумками немецких профессоров». Поэтому немецкие радикалы, националисты выступали за войну против России. Правда, осуществить им свои планы, как известно, не удалось.

Среди радикалов был и Карл Маркс. В это время судьба свела его с Д. Уркхартом, и Маркс под его влиянием задумал написать работу по истории русско-английских отношений XVIII века «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». Эта книга была довольно долго недоступна для рядового читателя в советское время, находясь в спецхране, что легко объяснимо абсолютным диссонансом между советским пиететом перед марксизмом и откровенной русофобией Маркса, переполняющей данную работу.

Маркс в ходе всего «исследования» демонстрирует снисходительно-пренебрежительное отношение к русскому народу. Вот образец такой оценки. По словам Маркса, только чиновники-немцы при дворе являлись цивилизаторами варварской России, а русские князья, вроде Ивана Калиты, играли «роль гнусного негодяя, орудия татарского хана, палача, лъстеца и старшего раба». Могущество Руси, по мнению Маркса, было «не завоевано, а украдено».

Вообще, «классики марксизма» испытывали непреодолимое отвращение к славянам в целом и к русским в частности. Так, Фридрих Энгельс оценивал идею славянской взаимности и братства: «Это нелепое, антиисторическое движение, поставившее целью подчинить цивилизованный Запад варварской России и Востоку».

Зерна ненависти, брошенные в землю Марксом и Энгельсом, дали обильные всходы в начале XX века. Еще в 1871 году Вильгельм I рассыпался в благодарностях русскому царю за нейтралитет в Франко-прусской войне. Но через несколько десятилетий идея неизбежности борьбы между славянами и германцами стала политической реальностью. Грянули Первая и Вторая мировые войны.

4. Польская русофобия

Польский вопрос был наиболее острым вопросом внутренней политики России на протяжении XVIII века. Этот вопрос в конечном счете и обусловил разделы Польши 1772, 1793 и 1795 годов. Причем в этих разделах основным «виновником» выступала отнюдь не Россия, а польская шляхта, Пруссия и Австрия. Известное резкое ухудшение образа России на Западе после 1830 года объясняется не в последнюю очередь влиянием польской эмиграции на умы европейцев.

Кстати, трудно объяснить сам феномен польской русофобии. Нет ответа на вопрос, чем они были недовольны. Так, к примеру, царское правительство заботилось о развитии образования в Польше больше, чем в российских губерниях (тот же перекося в отношении Прибалтики, Средней Азии сохранялся и в СССР), податей собирали по 4 рубля

с жителя, а в России по 6 рублей, крестьяне в Польше получили землю на более выгодных условиях, чем в России. Но польские политики и теоретики просто выходили из себя от приступов русофобии. Обвинителями «зверств» России выступали Францишек Духиньский в XIX веке и Юзеф Пилсудский в XX.

Оба с пеной у рта отстаивали идею о создании буфера между арийской Европой и туранской Москвой в виде великой Польши, включающей Украину, Беларусь, Литву, Смоленск и Великий Новгород.

Пилсудский также подчеркивал мысль о цивилизационном превосходстве поляков над варварской Россией, что и должно было предопределить ее неизбежное крушение.

5. Прибалтийская русофобия

Связь польской русофобии с сепаратистскими устремлениями прибалтийского дворянства была очевидна в XIX веке для многих русских консерваторов-патриотов.

Остзейский – Прибалтийский край с 1801 по 1876 год включал в себя три провинции: Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, соединенные в отдельное генерал-губернаторство Российской империи, но тяготевшее и ориентированное на Пруссию.

Социально-политическая суть «балтийского вопроса» сводилась к проблеме, связанной с двухмиллионным населением края – латами и эстами, которых насильственно онемечивало остзейское меньшинство и лютеранская церковь при полной поддержке Пруссии, в газетах которой неустанно пропагандировалась идея крестового похода на Русь из-за братьев немцев, угнетаемых в Российской империи.

Безусловно, ошибкой царского правительства была избыточная терпимость, связанная со слабым осознанием национальных государственных интересов в Прибалтике и со слепым подобострастием к иностранной культуре. Очевидно, что прибалтов исторически необходимо было настраивать прорусски усилиями центральной власти и православной церкви. Но это сделано не было.

На фоне этой слабости центральной власти пышным цветом расцветали гнусные антирусские пасквили, таких авторов, как Карл Ширрен, Юлиус Экгардт, Виктор Ген. Их книги и статьи – апология и гимн немецкого духа. По их мнению, только немцы на службе у русского царя сделали рабелепную Россию просвещенной.

Особенно на ниве русофобии изощрялся В. Ген, называя русский народ «умственно отсталым», национальную жизнь России – «помойной ямой». Характеризуя русских, он пишет: «Они – дикари, ленивые, без совести и чести, всегда пьяные, сексуально невожатанные, носящие вонючую одежду».

Эту беспочвенную, учитывая данные проявления, ненависть прибалтийских народов так и не удалось погасить вплоть до наших дней. Хотя рецепт, кажется, был очевиден: общее подчинение единому русскому государственному началу, без притеснения и на условиях взаимного уважения. Но не случилось. И сегодня в Прибалтике звучат откровенно русофобские призывы и высказывания, происходит героизация нацизма. Стараются поглубже расковырять старые раны. Пусть ответом им будут мудрые слова писателя-патриота С.Т. Аксакова: «Россия – такой слон, которому чем глубже дашь рану, тем скорее она заплывает жиром».

Конечно же в рамках одной брошюры невозможно осветить такое многогранное явление, как европейская русофобия. Но основные направления нам удалось выявить и показать. Это особенно важно, для того чтобы дать истинное представление европейской политической мысли об образе русских и России, суть которого сводится к простой формуле: «Россия – вечный враг и агрессор, народ ее дикий и нецивилизованный».

Ну что ж, знать, что о тебе действительно думают оппоненты, значит избавиться от ненужных заблуждений. Тем более что Запад и делами практически доказывал свою враждебность России на протяжении столетий.

КАК РОССИЮ ВИДЯТ НА ЗАПАДЕ

Примечательно, что большинство представлений о России и русских формировалось в русле поисков ответа на вопрос, который еще несколько столетий назад попал в поле внимания европейцев, а на протяжении последних двух веков активно обсуждался мыслящими умами и в Европе, и в России, а позднее и в Америке. Это вопрос о европейской принадлежности России. Входит она или нет в число европейских стран, принадлежит или не принадлежит к Европе? Если не принадлежит, то как ее тогда идентифицировать? Если принадлежит, то в каком качестве: является полноценным членом «европейской семьи» или ютится в ней на правах «бедного родственника»?

В XV – XVI веках важнейшим признаком «европейскости» страны была ее приверженность христианской религии. Но принимались во внимание и со временем начинали играть все большую роль или даже выходить на передний план и другие критерии, как-то: степень цивилизованности (как она понималась в тот или иной момент в Европе), уровень культурного, политического, а затем и экономического развития, а также военные, социальные и интеллектуальные практики. В конце XX – начале XXI века в число таких признаков вошли приверженность страны идеалам демократии и соблюдение прав человека.

ЧЕТЫРЕ ОБРАЗА РОССИИ

В итоге к началу XX столетия в европейской культуре оформились четыре устойчивые группы образов России. Важно заметить, что, оценивая представления об образах России, господствовавших в европейском сознании на протяжении XVIII, XIX и начала XX века, надо понимать, что, как бы ни воспринимали европейцы Россию, они в большинстве своем никогда не считали ее «своей», никогда не видели в ней такую же органическую часть Европы, как, скажем, Франция, Италия или Великобритания.

Даже многие из тех, кто предрекал России большое будущее, исходили из того, что это потому и возможно, что у нее нет истории и нет достойного настоящего. Россия – это исторический враг и духовный оппонент.

1. Образ первый: Россия – не Европа.

Это, пожалуй, одно из самых давних и глубоко укоренившихся в сознании европейцев представлений о России. Кто-то утверждал, что в ней неважно обстоит дело с религией, кто-то говорил о ее недоцивилизованности, о невысокой культуре россиян, позднее стали делать упор на неразвитости ее политических, экономических и социальных институтов, на составе населения, существенно отличающемся от европейского, и т.п., а кто-то утверждал, что по всем этим параметрам Россия принципиально отличается от Европы.

Порой дело доходило до курьезов. Так, Ф. Рабле считал русских неверующими и в своей обычной карна-

вальной манере перечислял в одном ряду «москвитов, индийцев, персов и троглодитов». А датский дипломат Я. Ульфельдт, посетивший Россию в конце XVI века, сообщал, что «их священники необразованны, они не понимают никакой другой речи, кроме русской, ученых людей там вообще нет». Современный датский исследователь У. Меллер, анализируя представления некоторых европейцев XVIII века о России, предлагает версию, в соответствии с которой «Россия соотносится с Европой так же, как природа с культурой».

Мысль о «неевропейскости» России высказывали многие известные писатели, политики, философы Старого Света. Ярче других это сделали, пожалуй, Ж.-Ж. Руссо, Р. Киплинг и О. Шпенглер, автор всемирно известного «Заката Европы», который не раз обращался к вопросу о судьбе и исторической роли России и россиян.

Вот оценка Шпенглером России: «Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но пред русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир... Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда признавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и Европой».

Ну а как же тогда понять «матушку Россию»? Куда ее отнести? Послушаем Киплинга. «Русский человек – милей-

ший человек, покуда не напьется. Как азиат, он очарователен. И лишь когда настаивает, чтобы к русским относились не как к самому западному из восточных народов, а, напротив, как к самому восточному из западных, превращается в этническое недоразумение...» Вот вам и британский ответ: русские – не европейцы, они – азиаты. И Россия – страна не европейская, а азиатская, не западная, а восточная.

2. Образ второй: Россия – не просто неевропейская, но полудикая страна, еще не завершившая переход от варварства к цивилизации. Жан-Жак Руссо полагал даже, что «русские никогда не станут истинно цивилизованными...». Не станут потому, что «...подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого».

Такое представление о России и русских получило распространение в Европе вскоре после завершения Наполеоновских войн. И немалый вклад в него внесли рафинированные европейские интеллектуалы типа мадам де Сталь и Жозефа де Местра. Но классическим выражением этой позиции считается работа маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», которая стала книгой, продиктованной «фобией», страхом перед Россией, которая-де жаждет завоевать весь остальной мир и – что наиболее важно – в самом деле способна это совершить, о чем многократно и подчас с пре-

дельной тревогой вещает француз. Какими же предстают Россия и русские на страницах книги Кюстина? Это страна рабов. «Можно сказать, что весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания». Это страна, близкая к первобытности. «Только здесь, в глубине России, можно понять, какими способностями был наделен первобытный человек и чего лишила его утонченность нашей цивилизации. Повторяю еще раз: в этой патриархальной стране цивилизация портит человека. Славянин по природе сметлив, музыкален, почти сострадателен, а вымуштрованный подданный Николая – фальшив, тщеславен, деспотичен и переимчив, как обезьяна. Лет полтораста понадобится для того, чтобы привести в соответствие нравы с европейскими идеями, и то лишь в том случае, если в течение этого длинного ряда лет русскими будут управлять только просвещенные монархи и друзья прогресса, как ныне принято выражаться».

«Я не осуждаю русских за то, каковы они, – продолжает маркиз, – но я порицаю в них притязание казаться теми, что и мы. Они еще совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если бы они не были поглощены желанием по-обезьяньи подражать другим нациям, осмеивая в то же время, как обезьяны, тех, кому они подражают. Невольно возникает мысль, что эти люди потеряны для первобытного состояния и непригодны для цивилизации».

Это страна-тюрьма. «Нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу, предоставленную народам в других странах Европы, каков бы ни был принятый

там образ правления. Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: «Поезжайте в Россию». Это страна крайностей и необузданных страстей. «Россия – страна необузданных страстей и рабских характеров, бунтарей и автоматов, заговорщиков и бездушных механизмов. Здесь нет промежуточных степеней между тираном и рабом, между безумцем и животным».

3. Образ третий: Россия – страна европейская, но это все-таки какая-то другая Европа.

У России своя особенность, к тому же она сильно отстала – по крайней мере в некоторых отношениях – от передовых европейских стран. Ей предстоит, став прилежным «учеником», пройти долгий и, скорее всего, трудный путь, чтобы превратиться в «нормальную страну», то есть страну европейского типа. Этой или близкой к этой позиции придерживались в основном некоторые европейские политики и мыслители левого толка (как, скажем, отъявленные русофобы Маркс и Энгельс) и либералы. Один из ярких примеров – первый чехословацкий президент, философ и историк Т. Масарик, опубликовавший в 1913 году большой труд «Россия и Европа». «Россия, – писал Масарик, – это тоже Европа. Поэтому, противопоставляя Россию и Европу, я сравниваю две эпохи. Европа не чужда России по своей сути, но она все же пока еще и не совсем своя».

4. Образ четвертый: страна будущего.

Россия – страна будущего, которой еще предстоит сказать миру свое слово, то есть явить нечто новое, что, возможно, обогатит или даже спасет человечество, в том числе и Запад. Отзвуки подобных мотивов можно уловить у того

же О. Шпенглера, который, резко противопоставляя Европу и Россию и не видя в последней спасительницу Запада, тем не менее предрекал России большое будущее. «Русские вообще не представляют собой народ, как немецкий или английский. В них заложены возможности многих народов будущего, как в германцах времен Каролингов. Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем как вечерние тени на Западе становятся все длиннее и длиннее... Будущее скрытой в глубоких недрах России заключается не в разрешении политических и социальных затруднений, но в подготавливаемом рождении новой религии, третьей из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве, подобно тому как германско-западная культура начала к 1000 году создавать вторую... Русский дух отодвинет в сторону западное развитие и через Византию непосредственно примкнет к Иерусалиму».

Но, пожалуй, самое яркое воплощение идея величия России и ее исторической миссии нашла у немецкого философа В. Шубарта, опубликовавшего в 1938 году книгу «Европа и душа России». «Запад, – писал он, – подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе... Поэтому только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род, и это верно, несмотря на то что в настоящий момент сама она корчится в судорогах большевизма. Ужасы советского времени минуют, как минула ночь татарского ига, и сбудется древнее про-

рочество: *ex oriente lux* (свет с Востока). Этим я не хочу сказать, что европейские нации утратят свое влияние. Они утратят лишь духовное лидерство. Они уже не будут больше представлять господствующий человеческий тип, и это станет благом для людей... Россия – единственная страна, которая способна спасти Европу».

Надо, впрочем, сразу сказать, что образ России как страны будущего, как спасительницы человечества никогда не был популярным в Европе и никогда не имел широкого распространения. Представление о «свете с Востока» всегда подавлялось представлением об «угрозе с Востока».

Программа коренного переустройства России – СССР на социалистических началах и особенно успехи первых пятилеток возродили в Европе давний образ России как «страны будущего», земли, на которой суждено сформироваться «новой цивилизации» – той самой, о которой на протяжении веков мечтали лучшие умы человечества. Над созданием этого образа трудился набиравший год от года силу советский агитпроп. Формированию этого образа способствовали европейские социалисты, коммунисты и левые интеллектуалы (супруги Уэбб, Б. Шоу, А. Барбюс и еще ряд видных лиц). Конечно, этот образ Советской России не был господствующим, но он был частью европейского сознания.

С началом Великой Отечественной войны, и особенно с созданием антигитлеровской коалиции, отношение к России со стороны западного мира, включая те страны Европы, которые выступали против нацизма и фашизма, несколько смягчилось: героическая борьба Красной армии, страдания народа, подвергшегося тяжелейшим испытаниям, породили

симпатию если не к советскому строю, то к советскому народу, в котором Европа увидела спасителя от «гитлеровской чумы». Но то был лишь краткосрочный зигзаг.

С расколом мира на две системы и началом холодной войны ситуация резко изменилась. Сопровождавшая эту войну идеологическая борьба не только воскресила прежние негативные образы России – Советского Союза, но и усилила их. Так родился образ врага, просуществовавший несколько десятилетий и прочно укоренившийся, а точнее, укорененный западной пропагандой в массовом европейском сознании. Разрядка международной напряженности практически ничего не изменила в этом плане, тем более что советское руководство продолжало утверждать: разрядка на сферу идеологии не распространяется, а западная идея конвергенции потерпела фиаско.

Господствующей в это время была версия об азиатской варварской державе, которая воспользовалась возможностью, предоставленной Второй мировой войной для военного вторжения в Европу. В 1945 году Черчилль, имея в виду Советский Союз, утверждал, что варвары добрались до сердца Европы, а на следующий год К. Аденауэр писал У. Соллману, что «Азия стоит на Эльбе».

Перестройка, распад мировой социалистической системы, а затем и Советского Союза, появление на политической карте мира нового государства – Российской Федерации открыли очередной этап в эволюции европейских образов России. Этап, отмеченный большими надеждами и ожиданиями со стороны России, руководство которой либо делало вид, либо искренне не понимало, что отношение Запада к нам не изменится. Российская империя, СССР или РФ все

равно остается для Запада просто Россией, то есть угрозой и врагом.

Именно в эти годы вновь возрождается неуважительное, а в чем-то и откровенно недружественное отношение европейских журналистов, политиков и рядовых граждан к России и россиянам, о котором хорошо сказала германская писательница Г. Кроне-Шмальц: «В ходе горячей фазы холодной войны Советский Союз, конечно, критиковали, причем без какой-либо оглядки на его чувства, но относились к нему с определенным уважением. После Горбачева уважение исчезло. Изменился тон. Он стал непочтительным, презрительным, издевательским и обвинительным».

Появились десятки западных журналистов, готовых так отбрить «несчастных русских», как не решился бы и сам маркиз де Кюстин. «Неудовлетворенные жизнью, хамоватые, неотесанные, грубые, циничные, безразличные к собственной бедности и к тиранству властей, русские изумляют европейцев. Порой они даже вызывают возмущение. Возмущение тем, что в прошлом смиренно выносили все ужасы, а сейчас верят в ложь, которую им скармливают. Тем, что мирятся с несправедливостями, которые сваливаются на их голову. Со всеми убийствами, которые остались нераскрытыми. И, что еще хуже, они считают, что это – в порядке вещей». Это из статьи во французской газете «Фигаро», поприветствовавшей Москву по случаю 7 ноября 2006 года.

И таких «приветствий» – сотни и тысячи. Снова рассуждают о том, что Россия – это совсем другой мир, и если даже она и Европа, то другая Европа, не своя. Причем говорят это не только откровенные русофобы,

число которых, увы, увеличивается, но люди, в целом доброжелательно относящиеся к нынешней России. Особый – и, надо сказать, весьма жесткий – акцент делается в последние десять лет на внутриэкономической политике Российского государства, которая тоже оценивается как антидемократическая.

Дело ЮКОСа было использовано для подтверждения выдвинутого западными критиками тезиса, что государство ведет целенаправленное наступление на крупный бизнес, ограничивает его свободу и что все это делается при грубом нарушении существующего в стране законодательства. Словом, Россия в очередной раз представляется как страна, опасная для инвестирования и российских, и тем более западных капиталов, как ненадежный партнер западного бизнеса.

Образ России, вставшей на путь построения авторитарного государства, дополняется ныне образом страны с возрождающимися имперскими амбициями, беспардонно вмешивающейся во внутренние дела других стран, прежде всего бывших союзных республик, оказывающей на них (тут идут ссылки на Украину и Грузию) экономическое и политическое давление и пытающейся не допустить их сближения с Западом.

Но, возможно, самой неприятной и опасной чертой доминирующего ныне в Европе образа России стало возрождающееся в последние четыре года после воссоединения с Крымом представление о ней как об источнике новой угрозы для европейских стран. Угрозы, связываемой с усилением России, вызванным наступлением, как называет ее обозреватель «Нью-Йорк таймс» Т. Фридман, «га-

зовой эпохи», изменяющей традиционные представления о силе и могуществе. Как признается известный немецкий эксперт Йозеф Йоффе, «десять лет назад мы думали, что Россия вышла из игры. Мы, конечно, понимали, что рано или поздно она вернется. Но никто не ожидал, что это произойдет так внезапно – стоило нефтяным ценам подскочить, и вот она вновь на арене, но на сей раз ведет себя куда искуснее. В нашем восприятии образ России – это мурманский порт, где ржавеет у причалов ее военный флот, но могущество выражается в разных формах. И сегодня из этих форм особой популярностью пользуются нефть и газ». На современном Западе возникли новые страхи. Не использует ли Россия «трубу» в качестве орудия давления на Европу? Не сделает ли ее средством шантажа западных политиков? Ведь, по образному выражению того же Йоффе, Россия способна воздействовать на Западную Европу своими трубопроводами «куда сильнее, чем СССР – ракетами СС-20». Странные сомнения. Неужели лучше окончательно лечь под США и покупать сжиженный газ у Трампа по бешеным ценам? Ну а впрочем, это решать Европе.

Полагаю, что в обозримом будущем конфронтация будет только возрастать. Нам надо быть готовыми к новым опасным вызовам.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ЭКСПАНСИИ ЗАПАДА

Прежде всего, важно понимать, что Запад, понимаемый как Западная Европа, отнюдь не всегда был «центром мира». Большую часть мировой истории (1500 лет) Восток опережал Запад в развитии и делил свою энергию, богатство и идеи с Западом, а не наоборот. Лишь в XV веке возникает явление, ставшее осью мировой политики последних 500 лет, – экспансия Запада и индивидуальные попытки всего остального мира приспособиться, то есть изменить свою культуру и традиции так, чтобы не стать прямым пленником Запада. В течение нескольких десятилетий после освобождения Иберийского полуострова от мавров Испания и Португалия завладели мировой торговлей от Перу до Китая. Им на смену явились голландцы, англичане и французы. Через три столетия Западная Европа либо владела остальным миром, либо оказывала на него решающее влияние.

Запад в исторически короткое время стал мировой мастерской, центром развития производительных сил, плацдармом мировой науки, местом формирования нового человека за счет экспансии, ограбления ресурсов колоний и угнетения местного населения. Запад овладел мировыми коммуникациями и с развитием науки как производительной силы стал диктовать свою волю в мировом освоении природы. В поис-

ках рынков и источников сырья он овладел всем миром, и к XX веку политическая карта обрела характерную одинаковость – целые континенты оказались в колониальной орбите нескольких западных стран.

Запад, вследствие своего необычайного броска вперед, обозначился как авангард мирового развития, оставляя прочий мир «реагирующей» массой, направляющей все свои силы на сокращение образовавшегося с середины XV века разрыва.

Россия, Китай и Индия, преобладающая часть Евразии, Латинской Америки, Африки были подчинены решению двух задач: сохранить внутреннее своеобразие и сократить разрыв между собой и Западом.

На рубеже XV – XVI столетий на Западе происходит огромное изменение человека готической эпохи, чьи колоссальные храмы возвышались к небу, в человека-титана, бросившего вызов богам, решившего похитить божественный огонь и построить возможный рай здесь, на брэнной земле. Бог стоит не в центре его умозрения, а на периферии. В центр же перемещаются физические пространства, которые западный человек завоевывает, начиная от западного побережья Африки при Генрихе Мореплавателе и до лунных шагов Нейла Армстронга. Создается пафос человека, бросившего вызов Богу и природе.

Пятьсот лет продолжалось это восхождение, пятьсот лет никто не смог воспроизвести у людей в других частях Земли аналогичную сознательную и целенаправленную энергию. Попавшие в тень народы и царства пытались имитировать, но максимум, что им удалось, – это выделить из своей среды лучших, послать их на Запад, при-

дать им организующий опыт западной духовно-энергетической революции.

Почему небольшой полуостров Евразии стал в середине второго тысячелетия центром мирового развития? Географическая школа утверждает, что совмещение благоприятного климата и удобных коммуникаций дало западноевропейцам шанс, которым те не преминули воспользоваться.

Расовые истории превозносят достоинства белой расы. Идеологи буржуазии указывают на протестантскую этику.

Есть и геополитическое объяснение: быстро приобретенное в XVI веке полное морское преобладание сделало экспансию Запада неизбежной. Захваченный остальной мир лишь добавил интенсивности этому безудержному процессу. Марксисты говорят о разложении феодализма и первоначальном капиталистическом накоплении.

По-видимому, феномен Запада стал возможен в результате стечения нескольких исключительно благоприятных обстоятельств.

Первое из них – исчезновение страшной, деморализующей внешней угрозы, ставящей под вопрос сами цивилизационные основы. После битвы при Туре в 732 году, когда европейские рыцари отразили арабское нашествие, опасность для Западной Европы быть поработанной внешним врагом исчезла на тысячу с лишним лет.

Несколько столетий относительно мирного развития дали Западной Европе возможность осуществить внутреннее урегулирование и ослабили болезненный пессимистический фатализм, характерный для народов, брошенных историей на растерзание свирепым соседям – носителям иного

цивилизационного кода. Формировалась здоровая психическая основа.

Второе обстоятельство связано с историческим наследием античности. Разбитая варварами Римская империя сохранила греческие и латинские тексты, переданные западноевропейцам через посредство арабских ученых. Между 1200 и 1500 годами в Западной Европе было основано примерно 70 университетов. Между XI и XVI веками в маленьких университетских городах Европы наиболее восприимчивые люди этой эпохи с любовью и страстью изучают идеи, литературу и искусство далекой эпохи. Возрождение сделало человека лично ответственным за свою судьбу.

Именно с Возрождением, в XV веке, Запад, по существу, навязал свою модель почти всему остальному миру, и в сознании европейцев укрепилась вера в универсальность своего общественного устройства и своей системы ценностей.

Третье обстоятельство во многом сформировалось под влиянием Ренессанса. Новое рациональное восприятие мира вызвало пересмотр отношения с высшими силами, доминировавшими в сознании людей всех континентов. Осуществилась духовная «модернизация» – переход от религиозного самоотречения к более «равному» отношению с Богом. Произошел процесс Реформации. Лютер, Кальвин и другие протестанты дали человеку возможность верить в свои неограниченные силы на этом земном пространстве в отмеренную человеку долю времени, убедили его в том, что деньги – мерило счастья, успеха и показатель богоизбранности.

Относительно мирное развитие, отсутствие уничтожающих завоеваний, усвоение античного наследия (Ренессанс), изобретение книгопечатания, изменение отношения к Богу (протестантизм и установление светской власти в католических странах), просвещение, развитие науки и промышленности обусловили уникальность Запада.

Великие географические открытия и путешествия Марко Поло в Китай, Колумба в Америку, Олеария и Герберштейна по огромной Руси, приход капитана Смита к вирджинским берегам, а капитана Ченселора к берегам Архангельска обозначили ось мирового развития, превращение мира в объект творимой Западом истории.

Запад – это не столько регион, сколько тип культуры и строй мысли. Западом невозможно назвать ни одну конкретную страну. Географически – это совокупность стран Западной, Центральной Европы и Северной Америки.

Промышленная революция, использование пара, развитие металлургии, строительство кораблей, производство тканей, научных приборов, военной техники произвели такие изменения в мировом товарообороте, что с тех пор и до настоящего времени не приходится говорить о взаимозависимости Запада и остального мира в экономическом смысле. Начиная с XVIII века внешний мир больше зависит от Запада, чем Запад от него. Подвел черту под выделением Запада XVIII век, век Просвещения, который фактически канонизировал неравные отношения представителей различных цивилизаций.

Вызов Запада проявился и проявляется различным образом. Он состоит в невозможности для незападных стран

жить по-старому. Формы вызова: захват колоний, включение в сферы влияния, создание притягательного образа прозападного развития, разрушение традиционного уклада жизни; подрыв прежней экономической структуры, информационное наводнение, создание международных организаций, включение в мировой рынок и формирование общего поля деятельности.

Более других нас, конечно, интересует реакция на невиданную западную экспансию огромной страны, выросшей в специфическом этически-моральном климате, определяемом близостью к Византии и степи, – России.

РОССИЯ – ЗАПАД. ИСТОРИЯ КОНТАКТОВ

До конца XVI – начала XVII века русско-европейские отношения на дипломатическом уровне практически не существовали. При московском дворе не было постоянных посланников, и царь также не располагал своими представителями в западных землях. В эту эпоху контакты между русскими и европейцами с Запада происходят косвенно, через купцов и негодантов, немногие из которых отваживаются отправиться в Россию. Однако с этого времени утверждаются враждебные представления с обеих сторон. И на это были свои основания.

В первые века второго тысячелетия ближайшие соседи – Польша, Швеция, Венгрия и Священная Римская (Германская) империя – начинают проводить откровенно захватническую политику в отношении Киевской Руси. С начала XIII века экспансию осуществляют окопавшиеся в Прибалтике католические духовно-рыцарские ордена меченосцев и тевтонский, объединившиеся в 1237 году в ливонский орден. В XIII веке Русь подвергается набегам Великого княжества Литовского, и к концу XIV века граница Руси с Литвой и Польшей передвигается с Западной Двины и Западного Буга на восток до верхней Волги и верхней Оки. Но эти и все последующие попытки колонизовать Россию успеха Западу не принесли. А ведь с конца XV века и до конца XIX века

страны Запада без особо напряженной борьбы покорили Африку, Америку, Австралию и большую часть Азии (южнее границ России), то есть все обитаемые континенты. В то же время Россия (в XX веке СССР) не предпринимала и даже не планировала попыток завоевания стран Европы.

Как уже отмечалось, страны Запада еще с X века были убеждены в превосходстве европейской цивилизации над всеми другими цивилизациями земли. Они всегда считали, что все народы мира должны им подчиняться и, более того, ресурсы стран всей земли должны использоваться только странами Запада. Их агрессивность вытекала именно из мнимого убеждения в великих преимуществах западной культуры.

Уместно привести мнение крупнейшего западного историка XX века Арнольда Джозефа Тойнби, почти единственного из историков Европы, иногда проявлявшего волю к истинной объективности взгляда: «На Западе бытует понятие, что Россия – агрессор, в XVIII веке при разделе Польши Россия проглотила львиную долю территории; в XIX веке она угнетатель Польши и Финляндии. Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII веке – это лишь контрнаступление... В XIV веке лучшая часть исконной российской территории – почти вся Белоруссия и Украина – была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христианству. В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России вплоть до самой Москвы и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных

пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века, а на рубеже XIX – XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию, один за другим. Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915 – 1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918 году вторгались в Россию с четырех сторон. И наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо... Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации».

Невозможность покорения России странами Запада, постоянные попытки которого предпринимались на протяжении тысячи лет русской истории, привела к тому, что наша страна издавна воспринимается на Западе как чуждый и враждебный мир или континент. Время Киевской Руси Тойнби датировал как начало западного наступления на Россию, то есть XIV век. Однако в действительности оно началось четырьмя столетиями ранее.

Противостояние России и Европы началось более тысячи лет назад, еще во времена Киевской Руси, на заре возникновения русской государственности. Уже в 981 году киевскому великому князю Владимиру Святому пришлось вести борьбу с поляками за города Червонной Руси (Перемышль, Червень и другие), являвшейся частью западно-украинских земель, вошедших в состав созданного великим князем Олегом Вещим Древнерусского государства. Станов-

ление границы Руси и Запада происходило тысячу лет назад в упорной борьбе Руси с тогдашними властителями Польши, явно поддерживаемыми германскими императорами (в частности, Оттоном III). Создатель польской государственности король Болеслав I завоевал себе известность опустошительными набегами на Киевскую Русь. К этому же времени относятся и первые замыслы Ватикана по продвижению «истинной» веры на Восток, на территорию Киевской Руси, где население восприняло христианство как православие из Византии. В 1018 году польский князь (с 1025 года – король) Болеслав Великий вместе с союзниками – германцами-саксонцами и венграми, вторгся в пределы Древнерусского государства и даже захватил ее столицу – Киев.

Правивший с 1019 года великий князь Ярослав Мудрый снова объединил земли всех восточных славян под своей властью и в 1031 году восстановил границу с Польшей по Западному Бугу, возвратив в состав Киевской Руси Червонную Русь, захваченную поляками при предшественнике Ярослава Мудрого Святополке Окаянном. При Ярославе Мудром, одном из величайших созидателей России, были достигнуты прочное единство государства и высший расцвет русской культуры. Его сыновьям великим князьям – Изяславу, Святославу, Всеволоду с 1054 года удалось сохранить государственное единство Руси и успешно противостоять захватническим устремлениям ближайших европейских соседей Древнерусского государства – молодых государств Польши, Венгрии и Священной Римской (Германской) империи. Стремление к продвижению на восток (как, впрочем, и в других направлениях земного пространства) окрепло и у Ватикана после Великого церковного раскола 1054 года.

Но прежде Руси, воспринявшей православие у Византии, объектом агрессии стала Византия. Не питающие симпатий к православию западные историки констатировали: «По мере того как папство усиливалось политически, оно становилось все более требовательным и нетерпимым. Оно могло истреблять целые народы под предлогом искоренения ереси: как могло оно терпеть пренебрежение схизматиков? В течение всего XII и в начале XIII века оно относится к Византии с явным недоброжелательством, все упорнее обкладывая Византию блокадой, предуготовлявшей ее падение». И оно произошло, как известно, в 1453 году.

Стремление к продвижению на восток сохранилось у католичества (папства) до наших дней. Оно и не могло не сохраниться у церкви, позиционирующей себя как вселенская. От этой посылки Ватикан не отказывался никогда. Об этом свидетельствуют и папские энциклики, включая и первую энциклику нового понтифика Иоанна Павла II (1979 год), и многовековая борьба католической церкви с православной на Украине и в Белоруссии, и, наконец, явная и неявная поддержка папством всех агрессивных актов западных стран против нашей страны на протяжении последнего тысячелетия.

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА (1480 – 1600)

В том, как христианство было привнесено на Русь, также заключался один из источников разобщения западноевропейского и восточноевропейского регионов. Библия была переведена на славянский язык, в то время как толпы христиан на Западе внимали непонятной латыни. В этом факте скрывалось многое. С одной стороны, евангельские истины быстрее доходили на родном языке. С другой стороны, отсутствие необходимости знать греческий язык отрезало их от эллинистического мира.

С юга восточные славяне получили благодать и духовное наследие уходящей с исторической сцены Византии. Шаг за шагом, вплоть до 988 года, года своего крещения в христианскую веру, Киевская Русь все более признавала превосходство, привлекательность Византии и стремление к ней как наследнице античности. Именно в то время, когда Византия теряет всякое влияние на формирующий свою идентичность Запад, она оказывает влияние на южных славян, а затем и на Русь. Только при Петре I государственная Россия стала терять старый облик византизма.

Воздействие Византии на Русь трудно переоценить. Византия дала средство создать собственно Русь.

Раскол между католической и православной церквями в 1054 году знаменовал размежевание западной и восточно-европейской цивилизаций. Церковная традиция, идущая от Византии, нашла свое подкрепление в самых нижних слоях культурного массива, опустив туда заимствованные ценности и сформулировав на них собственную культурную специфику.

И это дало восточнославянским народам невообразимо много – неведомый Западу фатализм, стоицизм, широту души, легкое схождение с соседями. От монголов русские приняли черты типичного туранского характера – религиозность, упорство в отстаивании своих взглядов, бесконечное терпение, стоическое восприятие жизни. Толерантность монголов в отношении православной церкви способствовала усилению значения религиозного элемента русской жизни. Москва стала прямой наследницей Золотой Орды. На протяжении трех столетий осуществлялся огромный и сложный синтез, приведший в итоге к мощному взрыву – созданию на пространстве Евразии территориально и государственно могущественной России.

Историки полагают, что именно монгольское нашествие спасло Русь от превращения в колонию Запада. Монголы, видимо, оказали влияние не только на формирование особого характера восточных славян, но и на специфику их государства, что особенно ощутимо в системе налогообложения и организации армии – казалось двухсотлетнее знакомство с опытом монголов в собирании ясака и рекрутировании воинов. Русские (возможно, глядя на монголов) подчинили бояр царю, а крестьян помещикам. Русская торговля открыла свои пути на восток. Все это определенно отдаляло

Россию от Западной Европы. Имело существенное значение и то, что монголы разрушили крупные города Руси. Восточноевропейские славяне в силу этого стали формировать нацию в очень отличных от западноевропейских (базирующихся на городах) условиях.

В истории отношений России и Запада на протяжении тысячелетнего существования Русского государства отчетливо проявили себя две противоположные по направленности тенденции.

Во-первых, тенденция открытости в направлении Запада, сближения с ним, создания того, что сейчас назвали бы «единым европейским пространством». Во-вторых, вынужденное или сознательное отстояние от Запада, стремление отгородиться стеной, создать самодовлеющий мир.

Три черты характеризуют это восстановление.

Во-первых, объединителем среди двух претендентов, Московской и Литовской Руси, становится Москва. Литовская Русь долгое время сохраняла шанс превратиться в ядро этнической общности. В государстве литовских князей славяне составляли не менее двух третей общего населения, раскинутого от Балтийского до Черного моря. Литва совершила свою объединительную работу в период монгольской зависимости Московии в XIV веке. Часть литовских князей приняла христианство от славян, христианство православное. Видимо, был шанс, что это литовско-славянское княжество могло послужить созданию Руси, гораздо более приближенной к западным нравам, обычаям, порядкам и ценностям.

Шансы создания изначально более близкой Западу Руси были перечеркнуты выбором литовской верхушки: в 1385

году, согласно Кревской унии, литовский князь Ягайло возшел на польский престол, и в последующие десятилетия (превратившиеся в столетия) начался процесс колонизации и католизации русских жителей Литовской Руси. Большой услуги Москве в ее объединительной функции Вильнюс оказать не мог: отныне освобождающаяся от татар Москва (со всеми шрамами и приобретениями периода подневолья) стала единственным центром тяготения русских Великой, Малой и Белой Руси.

Во-вторых, осуществилось взаимное смешение славянского и монгольского элементов. Взаимоотношения Москвы и Сарая, Руси и Орды никогда не были простыми. Русские чувствовали гнет и унижение, они страдали от неволи. Но в то же время князья ездили в Орду, служили в ней, участвовали вместе со своими отрядами в монгольских походах, приглашали монголов, рождались с ними, делили с ними опыт. Все это придавало Московской Руси, в отличие от Литовской Руси (и, разумеется, более приближенных к Западу стран), особый колорит. Он сказывался в военном строительстве, в изменении нравов, в понижении роли женщин, в новом оттенке «новоазиатского» стоицизма, фатализма, упорства, твердости и в сохранении связей с заманчивым Востоком – чего не было у большинства европейских стран.

Третья черта возродившегося Русского государства отразила геополитические изменения в Восточной Европе. На юге в 1453 году погас светоч Византии, попали в зависимость православные государства Закавказья и Балкан. Балканский полуостров на полтысячелетия попал в руки османов, устремившихся к Вене. С Запада папские посланцы

с железной настойчивостью предлагали подчиниться Ватикану. Психологически русская элита, княжеское окружение и столпы церкви ощутили горькое чувство одиночества, чувство затерянности, окружения враждебными силами. Именно тогда выстраданно провозглашается лозунг «Два Рима падеша, третий – Москва, а четвертому не бывать». В нем слышен стон окруженной страны, на которую с юга наступают из Крыма татары, с запада – поляки, а на востоке еще стоят Казанское и Астраханское княжества.

В период неожиданного подъема Запада Россия лежала раздробленной, выходящей из комы монгольского нашествия среди безбрежных лесов и степей, не способствовавших близкому общежитию с его неизбежными производными – от терпимости до конституции.

Россия шла своим путем, создавая восточноевропейскую цивилизацию совместно со всеми народами, жившими восточнее линии, проведенной между Дубровником и Кенигсбергом. На этом восточноевропейском пространстве не было трех эпохальных переворотов, потрясших и сотворивших Запад – Ренессанса, Реформации (широкое, сложное по социальному содержанию и составу участников общественно-политическое и идеологическое движение XVI века, принявшее религиозную форму борьбы против католического учения и церкви), Просвещения.

Политическая жизнь в России представляла собой пирамиду. Ни в какие времена не существовало конкретных взаимоотношений между различными профессиями, городами, отдельными землями. Творческий импульс мирной конкурентной борьбы никогда не присутствовал в российской жизни.

Первыми представителями Запада, посетившими освободившуюся от монголов Москву, были католические миссионеры, преследовавшие свои цели, продиктованные желанием папы расширить пределы своего влияния. Затем в сторону России двинулось несколько волн целенаправленного западного воздействия.

Наибольшее влияние среди них оказали следующие: протестантизм (1717 – 1840), идеи Просвещения (1750 – 1824), технический модернизм – приезд инженеров, строительство заводов (1890 – 1925), политический либерализм (1770 – 1917), марксизм (1860 – 1917), марксизм-ленинизм (1903 – 1991), идеи свободного рынка (1991 – 1996).

Этим волнам западного влияния предшествовал период первоначального взаимного знакомства, приходящийся на 1480 – 1600 годы. Послемонгольская Россия искала свои каноны духовной жизни, свои формы государственности, свои подходы к решению общественных вопросов.

Специфически самостоятельное развитие Руси сказалось на ходе обретения национальных форм православной церковью, одним из главных столпов складывавшейся восточноевропейской цивилизации.

В жизни православной церкви исключительно важен конец XV века, характерный внутренним идейным кризисом, в значительной мере определившим путь развития России. Конфликт идей, имевших религиозную форму, касался основ национального самосознания, отношения к базовым ценностям жизни. Сформировавшиеся в лоне церкви два идейных направления – иосифляне и нестяжатели – столкнулись в борьбе за выработку главенствующей точки зрения на смысл мирской жизни, на труд, харак-

тер этого труда, на значимость упорства и совершенства в труде.

В начале XVI века политическая и психологическая обстановка в столице Руси начинает больше благоприятствовать знакомству двух регионов. Наследовавший Ивану III царь Василий III был воспитан своей матерью Софией, как признают позднейшие историки, «в западной манере». Это был первый русский государь, открыто благоволивший идее сближения с Западом. Василий III считал возможным для себя обсуждать то, что еще недавно виделось ересью: возможность объединения русской и западной церквей.

Естественным образом наряду с интересом к Западу в то основополагающее время возникает и реакция, движение противоположной направленности – капитальная по значимости для России тенденция. Не вызывает удивления то обстоятельство, что противодействие западничеству осуществлялось прежде всего под флагом защиты православия. Идея Третьего Рима (а «четвертому не бывать») очень быстро становится стержнем идейного противодействия тогда еще слабым проявлениям вестернизации России.

Если первые контакты с Западом осуществлялись под эгидой пап и германского императора, то во второй половине XVI века на Руси начинает ощущаться воздействие протестантской части Европы. У нее, в отличие от католиков, не было глобальных планов в отношении Руси. У лютеран никогда не было шансов обратить в свою веру Москву, но достижение влиятельных позиций виделось возможным.

В середине века налаживаются морские связи России с Западом. В 1553 году в поисках арктического пути в Китай капитан Ричард Ченселор бросил якорь в Белом море. Пред-

приимчивого англичанина царь Иван Грозный самым любезным образом встретил в Москве, и английская Московская компания получила монополию на беспошлинную торговлю с Россией. Быстро растущий на взаимной торговле порт Архангельск стал символом первых серьезных экономических контактов Запада и России. Именно с англичанами Иван Грозный постарался оформить военно-политический союз.

Но и Запад не терял инициативы. Старые идеи католического влияния на Россию еще не потеряли для Рима своей притягательности. Орудием движения на восток, плацдармом этого движения должны были стать земли православного населения, попавшего в сферу влияния католической Польши.

Папа Григорий VIII послал Антонио Поссевино в 1582 году в Москву с целью прощупать почву для создания союза против турок. Впервые в данном случае русский суверен – царь Иван IV напрямую обсуждал геополитические вопросы с представителем Запада. Речь шла не только о военном союзе. Папа римский хотел большего – межгосударственного сближения, вхождения русских царей в западную иерархию. Однако в ответ на предложение о сближении восточных и западных христиан, России и Запада, русский царь указал на религиозные различия, препятствующие сближению. Православие в очередной раз сыграло роль щита России. Судьба соседней Литвы, довольно быстро католицизированной, настораживала русских.

Удачей Руси явилось то, что действия Запада были не только не скоординированы, но, напротив, имели значительный элемент внутреннего противоборства. Два лидера западного развития – Голландия и Англия – выступили глав-

ными соперниками в борьбе за торговлю с Россией. При этом Голландия начала движение как бы на периферии – с Новгородской земли, а англичане через Архангельск устремились к непосредственным двусторонним связям на самом высоком уровне. Голландцы основали в Великом Новгороде свою торговую контору.

Иван Грозный, как уже говорилось, явно воспринимал англичан как фаворитов. После смерти Грозного англичане постарались не потерять темп на российском направлении. Сразу же после стабилизации политической жизни в Москве, связанной с Борисом Годуновым, королева Елизавета послала в Москву посольство, которое везли в Москву из Архангельска бесплатно на почтовых лошадях. Цель у англичан была одна и четкая: завладеть западной торговлей Руси, отстранить голландцев. Интуитивно противясь монополии, царь Борис в конечном счете предоставил англичанам и голландцам одинаковые условия заключения торговых контактов.

Борис Годунов отправил своего посла в Данию и с большой помпой принял датского герцога Иоганна (сентябрь 1602 года). Иностранные гости с большим удивлением смотрели на пышность и великолепие восточной столицы, на размах царского приема. Со своей стороны, герцог привез с собой пасторов, докторов, хирурга и, что довольно странно, палача.

У него были серьезные намерения – он просил руки дочери Годунова. Брачный союз по не зависящим от Годунова причинам не состоялся, но Россия значительно расширила свои контакты с Западом в эти последние перед Смутным временем годы.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ РОМАНОВЫХ

Встрече России и Запада сопутствовала как реакция притяжения, так и реакция отторжения. Сотни и даже тысячи иностранцев хлынули в ослабевшее после катаклизмов эпохи Ивана Грозного государство.

Западное проникновение в Россию стало особенно интенсивным в эпоху Смутного времени. Два чувства русских явственно различимы на этом этапе. С одной стороны – несомненное восхищение западным мастерством, вещами с Запада, уровнем образованности, этикетом иностранцев, их культурой и энергией. С другой стороны, многие качества западных людей вызвали у русских стойкое подозрение, страх, недоверие.

Россия (как и другие великие страны – Китай, Индия, Япония, Оттоманская империя) встала в XVII веке перед суровой перспективой – выстоять или подчиниться.

Индия подчинилась примерно в 1750 году, Китай – столетием позже, Оттоманская империя – в 1918 году, Россия – 1991 году.

Но подлинно исторически значимыми очагами сопротивления стали, в меньшей степени, Оттоманская империя (при всем ее начавшемся в XVII веке упадке) и Россия при Романовых.

Россия стала самым большим историческим примером противостояния Западу в его практическом, научном, методичном, организованном подчинении себе всего окружающего мира. Россия отчаянно стремилась сохранить себя, и ее борьба была практически единственной альтернативой постепенной сдаче – долее всего остального мира.

На собравшемся в Москве в 1613 году Земском соборе встал вопрос о новой династии. Довольно влиятельная фракция бояр, придворных сановников и северных купцов стояла за призвание на русский престол шведского принца Карла-Филиппа. Воцарение в начале XVII века западной династии, несомненно, способствовало бы более тесному союзу России с Западом. Но общая тенденция после польской агрессии была явно антизападной. Победили сторонники местного царя, шестнадцатилетнего Михаила Романова.

С восшествием на престол династии Романовых Россия отвергает связь с Западом. Деулинский мир 1618 года с Польшей засвидетельствовал, что Россия сумела отстоять свою свободу, но она добыла мир, заплатив высокую цену – даже потеряв Смоленск. Важнейшим обстоятельством был подъем внутреннего самоуважения, духовное возрождение. После унижений, связанных с правлением поляков в Москве, добровольное обращение к Западу (как и появление неправославного монарха на русском престоле) стало невозможным. На Руси надолго утвердилось жесткое предубеждение против Запада.

Рассматривая весь мир как сферу приложения своей энергии и своего капитала, Запад не делал исключения и в отношении России. Торговые и промышленные интересы Запада заключались в освоении этого относительно близкого рынка. И русский изоляционизм, стойкий в идеологической и религиозной сферах, оказался податливее в области экономической. Первыми начали осваивать огромную Россию Англия, Голландия и Германия. Купцы из этих стран поражали русских партнеров деловой хваткой, энергией, хладнокровием, превосходной ориентацией и, главное, организацией.

Запад действовал и силой, и обаянием, и все более складывалось впечатление, что ветер перемен остановить невозможно. Уже второй Романов, царь Алексей Михайлович, практически признал невозможность отгородить Россию от загадочных и интересных людей, прибывавших в невиданных одеждах и демонстрировавших такие любопытные взгляды на все происходящее в мире.

Еще одним обстоятельством, повлиявшим на отношение Москвы к Западу, стало антипольское восстание на Украине, завершившееся Переяславской Радой 1654 года, в результате которой Россия и Украина стали единым государством. С одной стороны, это сразу же уменьшило влияние Польши, ослабило католические тенденции на Украине. С другой стороны, с вхождением Киева в состав Российского государства начал сказываться западный опыт Киева, Киевской духовной семинарии, уже имевшей разветвленные связи с Западом.

Некоторые западные исследователи считают, что Киев стал своего рода «тройным конем» Запада, подготовившим в России почву для реформ Петра.

Обсуждение событий на Западе становится популярным, оно стимулирует обращение и к собственным нуждам. Окружение Алексея Михайловича начинает поднимать невиданные темы – об образовании и о реформах в стране. Симпатии деятелей из этого окружения были на стороне Печатной службы, впервые поставившей перед собой цель повысить культурный уровень царства.

Разумеется, в самодержавной монархии многое зависело от высочайшей монаршей воли. Занятый значительную часть своей жизни разбирательством схизмы никонианства, царь Алексей Михайлович Тишайший только к концу своего правления отходит от изоляционистской традиции Филарета и становится сторонником знакомства с достижениями Запада. Этот интерес быстро становится интенсивным. По свидетельству некоторых деятелей эпохи, царь Алексей Михайлович под конец жизни уже не интересовался ничем, кроме Запада. Он призвал музыкантов и театральные труппы из Курляндии, приказал перевести множество книг с иностранных языков на русский, открыл посольство в Вене, принял у себя при дворе множество иностранцев, включая доминиканцев и иезуитов.

Неудивительно, что в феврале 1656 года патриарх Никон начал кампанию гонений на игры и увеселения, на «веселые» иконы, созданные под воздействием западного влияния. Но царь уже не был готов до крайности стоять за древние нравы московитов. Он поддержал выступившие против Никона силы и тем самым создал предпосылки поворота к Западу.

С падением Никона потерпела крах идея создания на Руси собственного религиозного вояды, аналогичного по

положению и функциям римскому папе. Россия объективно отказалась от создания религиозного заслона на своих западных границах. Тем самым вольно или невольно был облегчен приход западника Петра.

Произошедший во второй половине XVII века раскол русской церкви, освобождение ее от старой византийской традиции объективно подготовили Россию к более тесной встрече с Западом. Впервые на Руси люди западной ориентации обрели значительный вес. Ведущий западник Симеон Полоцкий стал воспитателем детей царя Алексея Михайловича – Федора, Софьи и Петра. Полоцкий сочинял поэмы, ставил пьесы, прославлял и олицетворял собой тот пафос красоты свершения, который неудержимо овладел его самым энергичным воспитанником – Петром.

Царь Петр, видимо, не смог бы осуществить столь крупный поворот к Западу, если бы тенденция восхищаться обогатившимся в русском сознании западным центром мира не была уже (хотя бы частично) подготовлена.

РОЛЬ ПЕТРА I В ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИИ

В 1670 году наиболее, возможно, светлый ум современной ему Европы Г. Лейбниц предсказал, что будущее России заключается в превращении ее в колонию Швеции. Многие в Западной Европе разделяли этот прогноз.

Удачей России в конечном счете оказалось то, что ее непосредственные западные соседи – шведы и поляки – вступили в полосу государственного упадка, а немцы еще не поднялись. Но эти благоприятные обстоятельства были временными, и Россию неизбежно ждали, если она желала сохранить себя, суровые испытания. Именно в это время страну возглавил вождь, имевший мудрость понять, что сохранение России зависит от способности восприятия западной технологии – военной и социальной. Запад к моменту восшествия на престол Петра I еще не начал оказывать на Россию прямого воздействия. Франция, доминирующая на континенте, опиралась на трех слабеющих соседей России – Турцию, Польшу и Швецию. Западная энергия гасилась деревенеющими структурами этих стран.

Наблюдая за Москвой из Немецкой слободы, царь Петр уже видел превосходство Запада, и, видимо, здесь вызрело его непоколебимое желание «войти в Европу». Петр I имел мужество признать техническое превосходство Запада, и он имел достаточно здравого смысла, чтобы придать вестерни-

зации дух национального сопротивления отсталости, принятия западного опыта не как национальной капитуляции, а как национального подъема. У него сложилась собственная геополитическая картина мира. Мир развивался, устремившись к мировой торговле за океаны, а большая Россия лежала в лесах и степях, не имея выхода к морям, фактически запертая в огромном евразийском пространстве. Оценив позиции России, восприняв Запад и как угрозу, и как надежду, первый великий реформатор России определил свою стратегию.

Петр приблизился к Западу географически. Двинувшись за Петром в Приазовье и к Финскому заливу, Россия вышла из своей географической изоляции и вошла в прямой контакт с Западом.

Ощущая свое отставание от Запада, власть в России стала оппозицией по отношению к собственному народу. Даже в одежде, во вкусах, в гастрономии, в способах разрешения основных жизненных проблем русская элита начиная с 1700 года идет поперек вкусам и привычкам своего народа, «подгоняя» этот народ принять инородные идеалы, вкусы, обычаи, нравы. Поразительно, но с тех пор правители на Руси делятся не на доморощенных и западников, а на западников и ультразападников.

Стратегия Петра Великого была направлена на то, чтобы при включении России в западное сообщество в качестве равноправного члена сохранить ее политическую независимость и культурную автономию в мире, где западный образ жизни уже получил широкое признание. Это был первый пример добровольной самовестернизации незападной страны. Успех этой политики увенчался разгромом шведской ар-

мии при Полтаве в 1709 году, а позже, век спустя, изгнанием из России армий Наполеона.

Петровская реформа вывела Россию на мировые просторы. Россия была поставлена Петром I на перекресток всех великих культур Запада.

Царь Петр воплощал идею новой России, остающейся самой собой, не сменившей своей идентичности, но развивающей свой потенциал на основе подключения к западному опыту.

Начиная с преобразований Петра Великого, реформы Романовых представляли собой одну постоянную, далеко протяженную по времени вестернизаторскую реформу, проводимую то быстрее, то медленнее с переменным успехом.

Вся разница между Петром Великим и другими российскими правителями до и после заключается в том, что он создал такую нравственную обстановку в стране, в условиях которой царь становится слугой своего Отечества в противовес русской традиции «служения правителю». Жестокими мерами он прививал новые нравы, хотя, разумеется, не мог (и не хотел) ломать традиции русского самовластия, никак не стремился создавать гражданское общество или хотя бы его предпосылки.

Он впервые в русской истории выдвинул положение, что государство должно реформировать систему управления в соответствии с разумом, а не слепо следовать традиции. И в отличие от последующих русских реформаторов, Петр I на каждом шагу разъяснял своим соотечественникам (в частности, указами в «Русском вестнике»), что именно он делает и каковы его цели, показывая пример государственной ответственности, создавая общественный пафос. В этом

одна из причин, почему России удался долговременный ответ Западу – система взаимодействия с ним и сохранения самостоятельности. **Это был первый (исторический) случай, когда потенциальная жертва Запада сознательно поставила перед собой цель овладения материальной техникой Европы ради самосохранения. (Потом по той же дороге пойдут Османская империя, Япония и другие.)**

Сейчас ясно, что Петр I провел реформы, которые не проросли сквозь народную толщу русского общества и потому не сделали Россию западной страной. В то же время он сделал этому обществу полезные прививки. Его реформы по меньшей мере создали щит, который позволил России сохранить независимость и самобытность, помогая ей искать пути вхождения в русло европейской культуры. Не губительное самоуничтожение, а консолидация народных сил, подъем национального духа были следствием осуществленных Петром I преобразований.

Но появление этой гордости России, этой плеяды ее блестящих гениев знаменовало собой также факт отрыва образованного слоя страны от народа.

Раскол прошел не только между народом и его образованной частью, но и внутри самой образованной части русского общества. Было два резко противоположных типа. Для одних дороже всего была Россия как великая европейская держава. Для других дороже всего были «прогрессивные» идеи европейской цивилизации.

Так появилось противопоставление «великой России» «великим потрясениям». Это противопоставление было существенным для декабристов и народников, оно определило 1905, 1917, 1991 годы.

К моменту кончины императора Петра (1725) Россия по своей мощи, безусловно, вошла в число ведущих европейских держав. В союзе с Данией и Саксонией она нанесла решающий удар по прежней владычице Балтики – Швеции, вышла на это море широким фронтом от Финского залива до Пруссии. Польша, Саксония и Пруссия стали союзниками новой европейской силы. Тем самым была изменена прежняя система, при которой Париж опирался на Стокгольм, Варшаву и Стамбул. Мир со Швецией (1721) как бы наложился на Утрехтский мир 1713 года, фактически положивший конец притязаниям Людовика XIV на доминирование в Европе. От вхождения России в европейский мир пострадало влияние Швеции, Польши и Турции, но усилилось влияние Лондона (что было зафиксировано в Утрехте). Появился исключительный шанс у Пруссии, которым она при Фридрихе II (и через столетие при Бисмарке) не преминула воспользоваться.

До Петра I судьбы Европы (а соответственно и мира) решались в Париже, Лондоне и Вене. После балтийского явления России эти судьбы решались уже в пяти столицах – Лондоне, Париже, Петербурге, Вене и Берлине. И поскольку весь последующий век был занят прежде всего англо-французским соперничеством в Европе, Америке и Азии, Петербург получил возможность утвердить свое влияние в Восточной и Центральной Европе, на широкой полосе от Балтийского до Черного моря.

При императрицах Елизавете и, особенно, Екатерине II происходит не только закрепление новоприобретенного петровского влияния, но значительное его расширение. Россия со всей мощью выходит к берегам Черного моря, овладевает

Крымом и создает цепь городов, чрезвычайно укрепивших мощь России в этой практически единственной для нее зоне незамерзающих морей – от Ростова до Одессы.

Прорыв России был столь впечатляющим, что Екатерина Великая планировала перенесение столицы страны в Екатеринослав (Днепропетровск), в новую зону притяжения России.

Для века Екатерины II характерны исключительная вера в освобождающую и облагораживающую силу образования, подчинение новой России западным идеям века Просвещения. В Российскую империю были перенесены лучшие образцы западной системы образования. Идеи Гердера (тогда молодого пастора из Риги), Руссо и переведенного в 1761 году Локка живо обсуждались в приближенных к Екатерине II кругах. В Петербург был приглашен серб Янкович из Мириево, преобразовавший систему образования в Австрийской империи.

Екатерина II (в этом, пожалуй, главное) выделила в русском обществе личность. Здесь она пошла значительно дальше Петра Великого. При ней дворянство получило невиданные прежде льготы. Возникла ситуация, когда в России как бы возникает «внутренний Запад», очень небольшой и очень особенный, очень нетрадиционный для России. Дворянство создает «мир в себе», в котором личность, а не традиционное славянское коллективистское начало получает возможности для расцвета. И это имело далеко идущие последствия.

В новую Европу Россия была принята не только благодаря ее растущей мощи, но и в свете ее все более прочных династических связей. Северная Пальмира отныне учитывалась в стратегическом планировании всех мировых столиц.

Россия в три послепетровские четверти века экономически ориентировалась на Северную Европу, на Англию, северогерманские государства, отчего росли Петербург, Ревель, Рига. В политическом плане Россия предпочитала не делать решающего выбора между Парижем и Лондоном и ориентировалась скорее на два соседних германских государства. Но эта стратегия не была статичной, тем более что германские государства враждовали между собой. В ходе Семилетней войны (1756 – 1763) Россия встала на сторону профранцузской коалиции, выступив против союзной с Англией Пруссии. Русские войска в 1761 году вошли в Берлин, и будущее северогерманского государства висело на волоске. Но Петербург, с восшествием на престол Петра III, считал нецелесообразным способствовать французскому доминированию за счет германского ослабления, и Пруссия получила свой шанс. Продемонстрированная Россией мощь позволяла говорить о возникновении стратегического треугольника Лондон – Париж – Петербург. В конечном счете этот треугольник так и не стал устойчивой фигурой прежде всего потому, что Россия при всех новороссийских приобретениях не вступила в первую промышленную революцию синхронно с Англией, уступая не только Франции, но и германским государствам. Эти экономические изменения полностью проявят себя лишь в следующем веке – веке пара, XIX веке. А между петровским возвышением и падением Бастилии Россия определенно заняла место на вершине мировой иерархии сразу же после Англии и Франции.

Показательно то обстоятельство, что уже во времена Екатерины II были закрыты множество монастырей – центров своеобразного сопротивления основной массы народа,

с глухим ропотом воспринимавшего новую реальность, противоположную его верованиям, духу, обрядам. Именно она снесла огромную часть деревянной Москвы. Были созданы комиссии по планомерной застройке Петербурга и Москвы, старое и новое столкнулось на одной почве.

Два народа в одном возникают в России. Возможно, никогда раньше это не было более очевидно, чем в период предпринятой императрицей Екатериной деятельности по созыву в 1766 – 1767 годах Земского собора – предполагаемого первого российского парламента, который должен был состоять из 564 депутатов. Фактом является, что не императрица, а два первых сословия напрочь отказались сидеть рядом с сословием крестьянским.

Сами дворяне, творцы культуры, абсолютно созвучной с западноевропейской, создали то жесткое общественное разделение, которое взорвалось полутора веками позже, в 1917 – 1918 годах. Два народа внутри одного все более расходились между собой. Один устремился в Амстердам и Париж, приобщаясь к мировой культуре и многое воспринимая в западном психологическом стереотипе. Второй народ оставался на своей бедной почве и жил в совершенно ином мире, не имеющем с миром барина практически ничего общего.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА В XIX ВЕКЕ

Во взаимоотношениях Запада и России XIX век был особым временем. Отношения Запада с Россией приобрели особые черты после начала Великой Французской революции. Русское правительство постаралось одновременно заслониться от революционных идей Запада и в то же время поддержать западные консервативные круги. В 1791 году царица Екатерина отозвала из Франции всех русских студентов. Император Павел в 1797 году уменьшил число печатаемых в год книг с 572 до 240, число периодических изданий сократил с 16 до 5. В то же время Павел, принявший при коронации титул главы православной церкви, стал также покровителем масонов и католиков. Римскому папе было предложено политическое убежище в России, а в Петербурге открыт католический приход.

Период страхов и «запретов» закончился с восшествием на престол в 1801 году императора Александра. Дорога на Запад довольно резко расширилась. Царь Александр сразу же решил открыть в России четыре университета. Фаворит царя М.М. Сперанский, женатый на англичанке, поклонник Бентама, стал готовить переход России к западной форме правления. Встреча Александра с Наполеоном в Тильзите,

союз двух коронованных владык европейского мира усилили позиции прозападной партии. Сперанский предложил создание конституционной монархии, в которой императора уравнивал парламент. Сенат должен был превратиться в главный судебный орган; представители губерний создавали парламент, которому поручалось формирование исполнительной власти, ответственного правительства.

Но период либеральных проектов закончился довольно быстро. Западные идеи очень скоро стали ассоциироваться с западным натиском на Россию. С выступлением Наполеона против России Сперанский был сослан в Сибирь. Властителем дум российского общества стал блистательный писатель Н.М. Карамзин (русский литератор, журналист и историк, почетный член Петербургской АН), главной идеей которого было обоснование необходимости держаться собственных традиций и одновременно опасаться Запада, слишком часто проявляющего себя как источник русских бед.

Именно на этом этапе формируются две главные идейные тенденции общественной жизни в России – западничество (направление русской общественной мысли и политической идеологии, ориентированное на европейские ценности и отрицающее идею самобытности, своеобразия и уникальности исторических судеб) и славянофильство (одно из направлений общественной и философской мысли России в 1840 – 1850 годы, выступившее с обоснованием самобытности исторического развития России, принципиально отличного от западноевропейского пути). В эти годы более отчетливо оформляется отношение к Западу: сторонники сближения с ним опираются на опыт Петра I и Екатерины II. Их оппоненты начинают черпать

вдохновение в своеобразии нравов, обычаев, духовной жизни допетровской Москвы.

Для исторического опыта связей России с Западом в XIX веке в общем и целом характерна вражда Петербурга с лидерами Запада. В начале XIX века Россия победила Наполеона, а затем, во второй послепетровский период, в течение целого столетия была соперницей лидера Запада – Британии. «Восточный вопрос» – судьба Константинополя – как бы вьелся в плоть и кровь многих англичан, затем Лондон беспокоила русская экспансия в Азии, безопасность северных подходов к Индии. Отголоски этих опасений были ощутимы даже после сближения, наступившего после 1907 года, вплоть до предкризисных дней 1914 года.

На блестящей петербургской поверхности в период 1815 – 1855 годов официальная Россия жила в состоянии иллюзий относительно своей принадлежности к Западу, пребывания его частью, причем самой могущественной в военном отношении. Для полного приобщения к Западу императору Николаю I не хватало, по его словам, всего лишь нескольких честных губернаторов.

Пробуждение от иллюзии было болезненным. Выступив в своем самомнении против почти всего Запада, император Николай I в ходе Крымской войны достаточно скоро увидел пределы своей великой иллюзии. Парусный флот России не мог сопротивляться вхождению в Черное море англо-французских пароходов. Запад создал у Севастополя свою железную дорогу и по канонам своей науки переиграл восточного колосса. Истинное соотношение сил определилось самым неприглядным для России образом. Поражение в Крымской

войне показало степень отсталости России. Национальное унижение было полным.

Высший патриотизм поддерживал тысячелетнюю Россию – от правящих кабинетов до избы мужика, он и спас ее на протяжении целых столетий от капитуляции перед «материалистическим» Западом. Но горечь демонстративно нанесенного поражения, нищета находившейся в оковах крепостного права деревни, вопиющая слабость промышленности, отставание науки вызвали смятение столкнувшихся с реальностью умов, потрясли Россию.

Правление императора Александра II началось с признания факта гибельности для России как самомнения, так и изоляции. Откладывать с реформами самоуправления городов, военной и судебной системы было уже нельзя, а любые формы преобразований в то время означали движение в направлении той или иной степени имитации порядков и учреждений, сформированных Западом. Опираясь на главное мобилизующее свойство русских – их патриотизм, император Александр II начал реформы, должны действительно привести огромную Россию в западный мир.

Надежды на «вхождение в Запад» появились у России в 1861 году с освобождением крестьян. Шансы на такое вхождение выросли с созданием основ гражданского общества: суд присяжных, военная реформа, ограничение дворянских привилегий, распространение образования. Освобождение крепостных и ставшее главным символом новой эпохи строительство дорог (потребовавшее обращения к европейскому капиталу) поставили вопрос об отношении России к Западу в совершенно новую плоскость.

Период 1855 – 1914 годов оказался одним из наиболее цельных периодов истории взаимоотношений России с Западом. От противостояния Западу Россия пришла к союзу с ним, приглашая западных специалистов, перенаправив центр экспансии с чувствительного для Запады Ближнего Востока на Среднюю Азию и на Дальний Восток. В первое десятилетие (1860 – 1870 годы) реформированию подверглись общество и его институты; между 1890 – 1914 годами Россия обрела самые высокие в мире темпы в индустриальном развитии.

И в ходе этого лихорадочного строительства, этого полувека перемен стало еще более отчетливо ясно, что в России отдельно друг от друга существуют два слоя. Первый – узкий, верхний, правящий – воспринимал себя как часть Запада. Сотни тысяч русских из этого слоя ежегодно посещали сопредельные европейские страны, непосредственно и ежедневно вступая в прямой контакт с реальностью, влиянием и идеями Запада. Основная часть образованной России знала и любила Запад. А народ Запад не понимал, не любил и воспринимал его как чуждое явление.

Перед своей гибелью романовская Россия сделала мощный бросок вдогонку Запада. Третий период романовского сближения с Западом приходится на время, начавшееся визитом французской эскадры в Кронштадт в 1892 году, на годы формирования Антанты – первого полномасштабного военного союза России с Западом.

Знаменуя победу западничества, такие выдающиеся люди России, как Витте, сознательно поставили задачу сделать Россию западным государством – экономически, идейно, политически. Шанс реализации этого курса стал еще

большим в 1906 году, когда Столыпин узаконил частную собственность на землю, начал процесс раздела общины, выделение хуторян – русских «фермеров». Выходу народа на орбиту буржуазного индивидуализма (основы западного образа жизни) служила передача крестьянам земли в частную собственность. Возможно, будущее России зависело от создания массового слоя землевладельцев как стабильной основы государства, сдерживающей экстремальные политические тенденции. Самоуправление и суверенность личности стали целями, к которым с большими трудностями, преодолевая традиции, объективные обстоятельства и косность, двинулась Россия.

До 1914 года у западнически настроенных сил существовала надежда, что либеральные, прозападные тенденции постепенно трансформируют социальную структуру России, изменят внутренний ценностный климат и преобразуют политические установления. Россия 1917 года была далека от России 1861 года, она уже сумела пройти, может быть, большую дорогу, чем большинство догоняющих Запад наций. У нее наладилось довольно эффективное финансовое хозяйство, никто не мог отрицать ее промышленного прогресса. Всеобщее образование планировалось ввести в 1922 году. Эволюция правительства в демократическом направлении шла медленно, но трудно было оспаривать и осязательность этого движения: земля, Дума, пресса, суд присяжных.

При всей огромности империи и блеске петербургского авангарда политическая система России, несомненно, отставала от требований времени – она не смогла создать механизм, который, с одной стороны, сохранял бы духов-

но-культурную оригинальность России, а с другой – указал бы 150 миллионам мужиков путь к материально достойной жизни.

Частью реакции императорской России было проведение ограниченных по масштабам реформ, часто отменяемых, сопровождаемых политическим террором. При этом гений Петра не имел продолжения, ему наследовали самодержцы с нередко милыми манерами, но без необходимого характера. Правящий класс, решающий судьбу многомиллионной страны, демонстрировал скорее жесткость, чем компетентность, – и это в условиях, когда прогресс никак «не желал» проявляться снизу, от подданных империи, вовсе не ставших еще гражданами, живущих далеко в доиндустриальной эпохе. Неадекватная элита в силу своей некомпетентности проявляла преступное безразличие к условиям жизни своего народа, заведомую враждебность к западным социальным идеям, чем и породила мощную социалистическую реакцию в XX веке. Плотины, созданная против прямого проникновения Запада, породила силы, создавшие внушительный обводной канал.

РОССИЯ И ЗАПАД С СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА ДО 1914 ГОДА

С середины XVIII века позициями главного экономического партнера России овладела Британия. Примерно половину столетия британская торговля была важнейшей для России – несмотря на то что в Семилетней войне Британия поддерживала Пруссию против России.

Но уже тогда, в конце XVIII века, в России говорили, что не желают видеть себя второй Португалией, подчиненным союзником Британии. Важный шаг в этом направлении был сделан в 1780 году, когда Россия возглавила Лигу вооруженного нейтралитета.

Санкт-Петербург целенаправленно высвобождался от английского влияния, об этом говорит серия договоров со средиземноморскими странами. Договор с Британией не был возобновлен.

Взаимное охлаждение произошло тогда, когда Россия овладела Крымом. Но торговля с Британией оставалась важнейшим фактором для России, настолько важным, что Россия не примкнула к континентальной блокаде, несмотря на угрозы Наполеона. Продолжение известно – борьба совместно с Британией против Наполеона. XIX век стал веком переключения России с Британии на германских соседей.

Проблема выбора между Центральной и Западной Европой стала актуальной уже тогда, когда осторожный Кутузов в 1813 году предупредил императора Александра, что Франция в дальнейшем не будет представлять собой угрозы для России, что полное сокрушение Наполеона лишь утвердит Британию в положении сильнейшей державы Европы, а это едва ли в русских интересах. Раздел Польши привязал Россию к двум германским государствам, способствовал решительному германскому преобладанию в процессе экономического развития России на протяжении целого века между 1815 и 1914 годами. Именно в это время Германия становится лидером европейского экономического развития. И она стремится к союзу с Россией не в малой степени благодаря настроенному в определенном смысле «прорусски» послу в Петербурге, а затем первому канцлеру Германской империи О. фон Бисмарку.

Вопросом вопросов на рубеже веков для России было формирование ее роли в Азии. В правящих кругах Петербурга сформировались две фракции. Обе приветствовали военную и политическую экспансию России в Азии, но видели ее с двух противоположных точек зрения. Военно-бюрократическая олигархия видела свое будущее в создании Великой Восточной империи, нового центра мира. Этой «восточной» фракции противостояла «западная» фракция, возглавляемая министром финансов С.Ю. Витте. Для него создание Азиатской империи было лишь дополнительным средством укрепления России на Западе, преобразования восточного феодализма России в капитализм западного толка. Витте видел в азиатской экспансии дополнительное средство, а не эпицентр усилий, средство

усилить активы России на главном направлении ее трансформации – европейском.

Союзникам и противникам России было вовсе не безразлично, какая из точек зрения на азиатскую политику возобладает в Петербурге. Союзная Франция вовсе не хотела, чтобы русские дивизии стерегли тихоокеанское побережье – они были нужны Парижу как противовес германской мощи. С другой стороны, Германия хотела привязать Россию к Восточной Азии так, чтобы она обращала меньше внимания на Европу и Ближний Восток. Это было как раз противоположно тому, чего желала «западная» фракция в России, особенно после поражения в войне с Японией, – союз с Западом здесь не желали менять на азиатские авантюры. Основой необычайного союза России с Западом были русско-французские отношения. Своего рода координатором сближения Запада и России стал французский министр иностранных дел Р. Пуанкаре.

Избрание Раймона Пуанкаре французским президентом было встречено в России с энтузиазмом, как новый фактор, благоприятствующий союзу России с Западом. Большие французские займы 1911 – 1914 годов скрепили союз великих стран запада и востока Европы.

Союз России с Западом был возможен лишь в случае русско-британского примирения и сближения. В Лондоне внимательно следили за взаимоотношениями двух блоков в континентальной Европе. После аннексии Боснии Австро-Венгрией в 1906 году в Лондоне пришли к выводу, что соотношение сил начинает меняться в пользу центральных держав.

В Лондоне давно пришли к выводу, что главной угрозой Западу является тевтонское всемогущество. Расширен-

ная программа строительства германского флота заставила англичан почувствовать то, чего в Англии не ощущали примерно 100 лет, – угрозу национальной безопасности. Результатом создания Германией сверхмощного флота явилось сближение Британии с Францией и Россией.

Ряд государственных деятелей России, как реформаторов, так и наиболее проницательных защитников династических привилегий, ощущали опасность грядущего конфликта и старались создать условия, при которых Россия не участвовала бы в общеевропейском разделе, ведущем к колоссальному конфликту.

В 1905 году, когда Россия переживала горечь поражений в Маньчжурии, Германия стремилась разбить кольцо враждебного окружения. Русский и германский императоры пришли к соглашению о союзе. Но Россия шла на договор с условием если и не полнокровного участия в нем Франции, то с полным уведомлением ее.

Русский посол в Париже Нелидов изложил содержание договора в Бьерке французскому правительству, прося от премьер-министра Рувье положительного ответа. В начале октября 1905 года Рувье ответил послу достаточно прямо, что французское правительство никогда не согласится с Франкфуртским договором, отнявшим у Франции Эльзас и Лотарингию, к тому же оно только что заключило договор о сердечном согласии («Антант кордиаль») с Англией. Франция исключала для себя возможность тройственного союза Париж – Берлин – Петербург. Это обстоятельство – несогласие великой континентальной страны и главного союзника России – вынудило царя Николая сообщить императору Вильгельму о невозможности реализации Бьеркского договора.

Пойти же на двустороннее сближение с Германией было для России в практическом смысле невысказанным, это означало превращение России в вассала Германии, ее фактический уход из Европы, обращение к Азии, где Британия и Япония постарались бы поставить предел расширению ее влияния. Именно Германия в этом случае решала бы вопрос, когда наступит час для выяснения отношений с Францией и Англией. Россия обязана была бы следовать за ней, являясь по существу младшим партнером в реализации германских планов.

Германия, собственно, достаточно хорошо знала о крепнувшем союзе Запада с Россией. Перед 1914 годом между русским и французским военными штабами была создана целая сеть взаимных связей. Разумеется, планируя долгосрочные совместные программы, русские и французские генералы желали иметь гарантии долгих непрерывных отношений – и они воздействовали на свои правительства соответствующим образом. Созданная ими заранее система «автоматического включения сотрудничества» вносила элемент автоматизма в решающее выяснение отношений между Антантой и центральными державами.

Любопытен факт: Германия владела половиной русской торговли. От нее зависела модернизация страны, от нее же исходила опасность превращения России в экономического сателлита. Германия приложила чрезвычайные усилия для занятия доминирующих позиций в России, действуя энергично и с примерной немецкой методичностью. То был уникальный случай, когда огромная страна, обладавшая неисчерпаемыми ресурсами, зависела от концентрированной мощи гораздо более развитого партнера.

Сверхзависимость от Германии порождала смятение и недовольство тех национальных элементов в России, которые (по разным причинам) желали диверсифицировать связи с Европой, осуществить независимый курс, выйти на уровень экономической независимости. Русские видели перед собой две главные цели: первая и основная – оторваться от германской пуповины, стать самостоятельным индустриальным центром; вторая – избежать угрозы преобладания в Европе германского «второго рейха». Разбить монополию Германии хотели две стороны – русская, стремящаяся к подлинной экономической самостоятельности своей страны, и западноевропейские правящие круги, боящиеся того, что тандем Германии с подчиненной экономически Россией будет неборим и он будет для Германии основанием гегемонии в Европе и мире.

Тесные отношения с демократическими державами Запада казались многим из правящей элиты России неестественными. Против союза с Западом сражались на внутреннем фронте Священный синод и Министерство образования, имевшие дело с основной массой народа России. Просвещенным верхам, с их точки зрения, не следовало с такой легкостью играть на европейском расколе, на противостоянии Запада центральным державам.

Видным сторонником сохранения мира за счет сближения с Германией (даже за счет Франции) был министр внутренних дел П.Н. Дурново. В написанном в феврале 1914 года меморандуме он утверждал, что центральным фактором современных международных отношений является соперничество Германии и Британии. Поддерживать последнюю абсолютно не в интересах России. Германия только

тогда начала поддерживать Австрию на Балканах, когда Петербург устремился навстречу Лондону. Наблюдая приближение того, что он считал национальным несчастьем для России, Дурново указывал на то, что должно было быть подлинными целями русской внешней политики: Иран, Памир, Кульджа, Кашгария, Джунгария, Монголия. Территориальное расширение России будет проходить на границе с Китаем, для гарантии успешности этого продвижения требуется только одно – безопасность западной границы. Интересы России и Германии нигде не входят в противоречие. И если Россия желает открыть проливы, то это гораздо легче сделать при помощи Германии, нежели блокируясь против нее. Война подорвет русские финансы, для России вовсе нежелательно резкое ослабление Германии. Если место Германии в России займет Англия, то это будет многократно опаснее, ведь англо-русские противоречия могут вспыхнуть по широкому периметру. В такой ситуации решающей являлась позиция императора Николая II. А тот все более примыкал к партии войны.

В итоге Россия сделала роковой выбор. Весь XIX век Россия была дружественна Пруссии – Германии и враждебна Британии. Исключительный германский динамизм, проявленный в десятилетия, последовавшие за созданием Германской империи, изменил шкалу русских предпочтений.

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Ключевое противоборство двух тенденций русской истории пришлось на период 1914 – 1920 годов. Россия в случае победы в Первой мировой войне должна была войти в Центральную Европу, в Средиземноморье и принять непосредственное участие в создании в Европе такого политического порядка, при котором треугольник Россия – Британия – Франция определял бы развитие всего Евразийского континента. Залогом «окончательного» завершения интеграции России в Европу стал бы союз с европейским Западом, с Парижем и Лондоном – невиданный доселе эксперимент в истории русского государства.

С этим англосаксонские элиты смириться не могли.

Убийство эрцгерцога Фердинанда, австрийский ультиматум Сербии, обращение сербов за помощью к России и последующий спуск к войне стали хрестоматийным материалом. Нам важно проследить, как подействовал кризис на союз России и Запада.

Вечером 25 июля 1914 года Бьюкенен обсуждал с Сазоновым роковой вопрос: будет ли Британия в случае кризиса с Россией или нет. Видя опасное развитие событий, мобилизовалась партия союза с Россией в Германии. Создатель

германского флота адмирал фон Тирпиц упрекал канцлера Бетман-Гольвега за то, что тот встал на опасный путь, допустив возникновение трений с Россией. Но если в Лондоне сторонники союза с Россией возобладали, то в Берлине они теряли влияние.

Поступил приказ о мобилизации французской армии. Толпы петербуржцев собрались перед посольством Британии, ожидая известий из Лондона. Волнение окружившей посольство толпы продолжалось до 5 часов утра 3 августа, когда из лондонского МИДа поступила лаконичная телеграмма: «Война с Германией, действуйте». Посольство было засыпано цветами.

Никогда еще Россия не имела столь мощных союзников, никогда она не выступала на мировой арене в союзе со всем Западом. Союз с Францией и Британией казался императору Николаю (да и почти всей думающей России) необоримым. Самое важное решение вождей России в XX веке было принято с легким сердцем. А имело самые тяжелые последствия.

Огромное здание германского посольства подверглось разграблению толпы при попустительстве полиции. Предвещал ли этот акт вандализма падение германского влияния в России?

Что касается правительства и правящих классов, то они пришли к выводу, что судьба России отныне связана с судьбами Франции и Англии. Во всех слоях общества говорили о дуэли славянства и германизма, о великом союзе России с Британией и Францией, которому суждено повелевать миром.

В конечном счете союз с Западом удалил его от России, как ничто иное. Мировая война почти герметически закрыла

России ворота в западный мир, она оборвала связи, которые всегда были для России живительными. Единственный путь между Россией и Западом проходил через Норвегию и Швецию – с пересечением Ботнического залива. Но германская военно-морская армада на Балтике сделала этот путь опасным. Царь Николай – это была одна из не очень многих его удачных идей – еще в начале царствования планировал создание порта в районе Мурманска. Через несколько месяцев после начала войны (15 января 1915 года) через Мурманск был проложен кабель между Кольским полуостровом и Шотландией, сделавший возможным информационный обмен между Западом и Россией. В последующее время понесли необычайные усилия для завершения прокладки железнодорожной магистрали Петроград – Мурманск, чтобы Россия и Запад имели канал сообщения. Но этого канала для России было явно недостаточно.

Запад был очень удовлетворен готовностью России идти на любые жертвы ради скрепляемого кровью союза. Критика царизма прекратилась здесь абсолютно, в российской монархии стали находить большую способность приспособления к политическим и социальным переменам.

С первых же дней войны на Западе вызывала интерес русская позиция в отношении Германии. В Петрограде планировалось возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции, восстановление Польши, увеличение за счет Германии территории Бельгии, восстановление независимости Ганновера, передача Шлезвига Дании, освобождение Чехии, раздел между Францией и Англией всех немецких колоний.

На Балканах Запад отдавал пальму первенства России – отобюрокраченная мощь России позволяла ее вмешатель-

ство (в случае нужды), в то время как французы полностью задействовали свои ресурсы на Западном фронте, а Британия еще не сформировала сухопутную армию. С другой стороны, позиция Запада была сильнее на итальянском направлении – здесь вступал в действие фактор британского морского могущества и французской близости.

Вплоть до конца 1914 года (то есть примерно пять месяцев) государственные деятели и стратеги обеих сторон Антанты жили в мире непомерных ожиданий, при этом британское и французское правительства верили в неукротимый «паровой каток», движущийся на Германию с востока.

Отражающая этот период книга военного представителя Британии Нокса о русской армии 1914 года полна восхищения перед ее могучей боевой силой. Но Нокс не близорук, он видит и героизм, и поразительные черты ущербности. Он описывает и стоицизм, и «бессмысленные круговые вращения через песчаные поля и грязь», запоздалые приказы, непростительную слабость в деле организации тылового снабжения, отсутствие телефонной связи, упорное нежелание допрашивать пленных офицеров, слабость коммуникаций и слабую, бесконечно слабую организацию войск – особенно в сравнении с безупречной машиной, управляемой прусскими офицерами.

В ходе 40-месячного конфликта между 1914-м и декабрем 1917 года Запад верил в «паровой каток» России, способной раздавить Германию. Россия действительно была растущей военной державой до 1914 года. И в ходе войны Россия приложила колоссальные усилия. Специалист по данному периоду академик Струмилин указывает, что про-

изводственный потенциал России увеличился между 1913 и 1918 годами на 40 процентов.

Однако довольно ошибочным было представление о бедности людских ресурсов России. Среди пяти миллионов новобранцев 1914 года были квалифицированные рабочие, на которых держалась стремящаяся достичь уровня производительности Запада русская промышленность. Отток этих специалистов имел самые негативные последствия для русской индустрии.

С русской стороны иллюзия заключалась в безусловной вере в то, что Запад предоставит ей практически неограниченные военные припасы и необходимые займы. Этого, как известно, не произошло. И это было не первым и не последним предательством Запада.

Стало ясно, что союз России с Западом, омытый в мировой войне кровью, был политическим и военным союзом социально и культурно разнородных организмов. Разумеется, правящий класс обеих частей находил общий язык, он рос в условиях общей европейской цивилизации. Но в свете военного напряжения высветился тот факт, что Россия как общество едва ли является частью западной цивилизации. Более того, месяцы и годы войны более отчетливо, чем прежде, демонстрировали, что Россия ни по внутренней структуре, ни по менталитету населения не является западной страной. Теперь на фоне кризиса, грозящего национальной катастрофой, вставал вопрос, а может ли она в будущем в принципе претендовать на то, чтобы стать частью Запада?

Вперед стала выходить та политическая группа, которая в августе 1914 года оказалась в тени всеобщего воодушевления. Эту критическую в отношении Запада груп-

пу называли «партия двора», а их лидером общественное мнение чаще всего называло (несправедливо) императрицу Александру Федоровну, прежнюю принцессу Гессен-Дармштадтскую, кузину германского императора. Руководителями этой партии в Государственном Совете и в Государственной Думе были князь Мещерский, министр Щегловитов, барон Розен, депутаты Пуришкевич и Марков. Они оправдывали свои (в той или иной мере замаскированные) сомнения в союзе с Западом прежде всего соображениями внутренней политики.

С июля 1915 года группа влиятельных лиц – министр внутренних дел Маклаков, обер-прокурор синода Саблер и министр юстиции Щегловитов начали открыто доказывать императору Николаю, что Россия далее не может вести войну.

На противоположном конце политического спектра наиболее пронизательные из представителей Запада также увидели грозные признаки. Вопреки браваде петроградских газет, британский военный представитель Нокс уже в 1914 году предсказал возможность распада России. Из докладов Нокса открылась страшная беда России – неумение использовать наличные ресурсы и неукротимое при этом стремление приукрасить ситуацию. Не желая видеть мир в реальном свете, русское правительство всячески старалось прикрыть такие поражения, как августовская (1914) катастрофа в Восточной Пруссии.

И все же первые раскаты грома Запад почти не расслышал. После героического воодушевления стала видна грань, за которой наступал упадок духа, пассивная покорность судьбе. На дальнем горизонте встал вопрос о том, кто от-

ветствен за пуск корабля в плавание, к которому он не был готов.

Союз с Западом поставил под вопрос древнейшее русское установление – монархию. Император Николай II имел немало превосходных черт характера, и его обаяние подтверждено достоверными историческими свидетельствами. Западные послы были буквально очарованы императором, но это не мешало им сомневаться в решающем для правителя качестве, в его воле. Скажем, посол Палеолог буквально поет гимн таким качествам императора, как простота, мягкость, отзывчивость, удивительная память, но при этом отмечает слабую уверенность в собственных силах. В эпоху колоссального кризиса своей страны император Николай оказался не на высоте требований управления.

В сентябре 1915 года царь принял на себя командование армией. Царь Николай объяснял этот шаг крайностью положения и исторической ответственностью монархии. «Быть может, для спасения России необходима искупительная жертва. Я буду этой жертвой». В такой постановке вопроса сквозила обреченность.

Меняются и акценты в германской политике. Они переносятся на новый фактор российской реальности, на революционные элементы. Впервые условием выживания Германии стало видеться расчленение России. В Берлине стали серьезнее, чем прежде, размышлять о позитивной стороне дезинтеграции России. Коллапс России мог бы создать в Восточной Европе грядущее мелким государствам, подвластных германскому влиянию.

Против единства России и Запада стал действовать и другой фактор. Поляки в России занимали далеко не последнее

место по влиянию. В Петрограде жил целый клан польской аристократии, самоотверженно стремившийся к независимости своей родины. Можно понять это стремление, труднее понять бескомпромиссную ненависть польских лидеров к стране, в которой они жили и которая уже пообещала обеспечить создание польского государства. Польская община в Петрограде, Москве, Киеве все больше занимала враждебную позицию по отношению к России, и это было трагедией для обоих народов. Поляки давно уже потеряли веру в русскую победу. Они, наверное, первыми начали строить планы, исходя из возможности поражения России. Как отмечал Палеолог, поляки, несмотря на русские победы в Галиции в 1916 году, были уверены, что России не суждено выйти победительницей из войны и что царский режим, в случае катастрофического оборота событий, пойдет на соглашение с Германией и Австрией за счет Польши. Польская община, столь тесно связанная с Западом, начала действовать против его союза с Россией.

Берлин, горизонт которого заволакивали тучи, обратился к потенциалу национализма в многонациональной Российской империи. Известный изменник, отступник, предатель российской социал-демократии Гельфанд в исследовании, подготовленном в марте 1915 года, определил активизацию украинского национализма как главное орудие раскола Российской империи. Наиболее привлекательным стало видеться отделение от России ее кровной сестры Украины, второй по величине и значимости части страны.

Сторонники этой точки зрения полагали, что отделение Украины лишит Россию статуса мировой державы. Геополитики в Берлине обратили свое внимание и на другие

регионы великой евразийской державы. С немецкой методичностью были предприняты усилия по стимулированию прежде не проявлявшего себя сепаратизма Закавказья и Средней Азии.

В первые месяцы 1916 года западные эксперты по России начинают приходить к выводу, что разруха и поражения войны не могут пройти бесследно для русского общества. Грозят воистину великие потрясения, и одной из жертв этих потрясений будет и сам Запад.

Военные победы первых девяти месяцев 1916 года, победа русской армии в ходе «прорыва Брусилова» и в Закавказье на время возвратили Россию в ранг великих держав. Глядя из исторического далека, видно, что эти победы, по существу, сделали неизбежными крах Австро-Венгрии и Турции двумя годами позже. Но этих двух лет не оказалось у России. Время определенно начало работать против связки Россия – Запад, тяготы войны подтачивали союз, росла внутренняя оппозиция.

Для стабилизации положения в стране абсолютно необходимо было прекратить бессмысленную войну – продолжать дренаж крови нации уже было противоположно инстинкту самосохранения. Но как раз это условие никак не могло быть принято Западом.

Наступает черный час России. Еще недавно, три года назад, блистательная держава, осуществляя модернизацию, думала о мировом лидерстве. Ныне, смертельно раненная, потерявшая веру в себя, она от видений неизбежного успеха отшатнулась к крутой перестройке на ходу, к замене строя чем-то неведомым, ощущаемым лишь на уровне эмоций и фантазий. Запад, как замороженный, с нескрываемым ин-

тересом следил за саморазрушением одной из величайших держав мира.

Потрясенный Запад 2 марта 1917 года узнал о конце царизма. Исторический перелом был легко осуществлен русскими, как всегда уверенными, что «хуже быть не может», – фантастическое общенациональное ослепление.

С этих дней и до октября 1917 года Россия лишилась подлинного правительства. Внешние формы главенства Временного правительства соблюдались, но реализация его политики все более отличалась слабостью.

Ирония истории заключалась в том, что Запад, который был опорой России в войне, «опоздал» менее чем на месяц. Через несколько недель после падения царя Америка вступила в войну, лишив Германию практических шансов на победу. Тридцать дней назад это могло повлиять на состояние умов в Петрограде. Так же Запад тянул с открытием второго фронта и во Второй мировой войне, выгадывая, кого поддержать – СССР или Германию.

В целом на протяжении всех восьми месяцев существования Временного правительства – от марта до октября 1917 года – политика западных союзников представляла собой сплошную цепь колебаний. Ничего подобного мы не можем обнаружить в отношениях западных стран с царской Россией. Как ни критичны были в отношении царя западные послы, они никогда не подвергали сомнению его союзническую лояльность. При всех взлетах и падениях страны в период 1914 – 1916 годов они в перспективном плане видели Россию величайшей державой, которая никогда не позволит господства Германии на Евразийском материке. С приходом к власти республиканских правителей (представлявших

на пути к Октябрю широкий спектр: от октябристов до эсеров) дипломатические представители Запада стали отмечать и ослабление мощи России, и ее меньшую надежность как союзника.

Россия и Запад подошли к концу своего 200-летнего союза, созданного по воле Петра Великого. И с каждым месяцем 1917 года Запад начинает все более отчетливо понимать грозную значимость происходящего

А немцы шли к своему варианту Европы как германского дома. Из своей «штаб-квартиры» подрывных действий против России в Копенгагене германский посол Брокдорф-Ранцау рекомендовал своему правительству содействовать созданию «широчайшего возможного хаоса в России», поддержать крайние элементы. От Брокдорфа-Ранцау к канцлеру был послан Парвус-Гельфанд с предложением осуществить транспортировку Ленина из Швейцарии в Россию. Разумеется, Ленин не был германским агентом. Исторический разворот событий создал такую ситуацию, когда интересы вождей монархистской Германии и русских ультра-революционеров совпали – на недолгое, но очень важное время. Германское правительство хотело выдвижения на политическую авансцену лидера, который сделал бы требование мира заглавным. Ленин же использовал этот интерес германской имперской элиты для дела русской революции как первой стадии мировой революции. Страдающей стороной стала Россия – объект интриги первых и грандиозного эксперимента вторых.

Осенью 1917 года наступает окончательный крах великой русской армии. Поражение правительства Керенского, последнего русского правительства, верившего в союз Рос-

сии с Западом, означало наступление новой эпохи, как для России, так и для Запада. Двойное давление – германского пресса и социального недовольства – окончательно сокрушило государство Петра, основной идеей которого было введение России в Европу. Та Россия, которая видела себя частью европейского мира, частью цивилизации Запада, опустилась в историческое небытие.

Окончилась целая эпоха, окончился петровский период русской истории.

К власти пришла партия антизападного приобщения. Ночью 7 ноября большевики образовали совместное с левыми эсерами (партия левых социал-революционеров, мелкобуржуазная политическая партия в России 1917 – 1921 годов) правительство, которое возглавил В.И. Ленин и в котором комиссаром иностранных дел был назначен Л.Д. Троцкий.

Большевики удержали власть в России только потому, что нашли нужную патетику своей борьбе. По существу, они объявили Красную Россию прибежищем всех униженных и оскорбленных в мире, всех жертв безжалостного наступления Запада, всех жертв капиталистической эксплуатации. Это обращение к антизападному фактору, опора на социальную солидарность позволили быстро и достаточно эффективно воссоздать российскую армию, восстановить российские границы (кроме Польши, Финляндии, Прибалтики и Северной Буковины), восстановить Россию – на этот раз как центр противодействия насильственной западной модернизации. Это не означало, что Россия отказывалась от модернизации, но она демонстративно отказывалась от модернизации на западных условиях и приступила к модернизации на условиях собственной централизации,

собственного государственного контроля, с привлечением ограниченного (и подконтрольного) числа западных специалистов. Перекрывая границы с Западом, Советская Россия на виду у всего мира начинала невиданное: ускоренный индустриальный рост на основе мобилизации собственных сил.

Что сделали большевики первым делом, так это дали стране абсолютно новую идеологию модернизации. Прошлое получило новую идейную оценку. Теперь уже не Запад пробуждал к жизни сопредельные континенты, а некие всемирные производительные силы. Это теоретически давало незападным режимам возможность встать в лидеры мирового прогресса – если они совладают с мировыми законами социально-экономического развития.

Действительно новым было то, что большевики отошли от оборонительной тактики царей, заняв (по всем внешним признакам) наступательную в отношении Запада позицию. Впервые великая держава призвала к союзу всех жертв Запада с пролетариями западных стран. Это была новая постановка вопроса, она давала, в частности, российским реформаторам необходимый пафос, средство мобилизации огромных российских масс для индустриализации, для броска вдогонку индустриальному миру.

В случае с ленинизмом мы имеем первую в мире попытку создать цельную систему взглядов, направленных на то, чтобы материально достичь и морально превзойти Запад (начиная при этом исторический рывок вперед с очень низкой стартовой отметки). Идеология эта должна быть понятной миллионам, ее великое упрощение предполагалось изначально.

Идеология эта оказалась сильным инструментом, но имела по меньшей мере одно слабое место – она конструировала нереальный мир, искажала реальность, создавала фальшивую картину. Это и была плата за первоначальную эффективность.

Важно особо подчеркнуть следующий фактор: Россия после Октября 1917 года стала страной, где государственный аппарат осуществлял несравнимо более плотный контроль над связями страны с другими государствами. По меньшей мере, внешняя торговля осуществлялась лишь под государственным наблюдением. Число западных фирм, работавших в России, резко сократилось.

Россия уже не смотрела на Европу. Та сама пришла к ней серыми дивизиями кайзера, дымными крейсерами Антанты. Запад самостоятельно решал проблему своего противоборства с Германией, а Россия превращалась в объект этого противоборства. Впервые со времен Золотой Орды Россия перестала участвовать в международных делах. Страна погрузилась во мрак. Да, были беды и прежде. Но впервые со Смутного времени внешнее поражение наложилось на неукротимый внутренний хаос, и впервые за 500 лет у русского государства не было союзников. Хуже того, окружающие страны вожделенно смотрели на русское наследство.

Но наряду с этим Россия стала силою, способной сокрушить Запад, – она нашла сторонников на Западе, она расколола Запад по социальному признаку. То была первая угроза Западу. И эта угроза была тем реальнее, чем серьезнее Ленин и Троцкий взывали к всемирной революции, а левые социал-демократы создавали эффективные коммунистические

партии, солидарные с Москвой и координирующие свои действия с Коминтерном.

Окончание Первой мировой войны и два последующих года были для Запада связаны, если полагаться на мнение Черчилля, «с русской проблемой». Отношения России и Запада превратились в главную тему реконструкции послевоенной Европы.

Западу было ясно, что Россия, при всем ее ослаблении, непременно останется крупнейшей державой, изменить этот историко-географический фактор было невозможно. Каким бы ни был конечный результат Гражданской войны, какими бы ни были территориальные потери России, ее невозможно было свести до уровня второстепенной державы. Запад, скрепя сердце, должен был признать это обстоятельство.

И этот фантом преследовал Запад. Увеличивая Польшу и Румынию за счет России, помогая Германии в пику ее великому восточному соседу, обращаясь к противоположным сторонам в русском споре, Запад все же осознавал, что великая страна не может быть низведена ниже определенного предела. Данью реализму было понимание того, что Россия в той или иной форме восстанет вопреки всему. И она потребует свое историческое наследие.

К марту 1919 года Запад послал на границы России до миллиона солдат (200 тысяч греков, 190 тысяч румын, 140 тысяч французов, 140 тысяч англичан, 140 тысяч сербов, 40 тысяч итальянцев). И все же следует отметить, что сторонники интервенции Запада в России всегда находились в тисках явственно проявлявшего себя противоречия: с одной стороны, они утверждали, что большевики представ-

ляют анархию, неспособны руководить страной, не имеют массовой поддержки. С другой стороны, они утверждали, что для сокрушения большевизма необходима мобилизация всех сил Запада – так как мощь большевизма якобы огромна, и он, наступая на Запад, вот-вот воцарится в Варшаве, Берлине и Будапеште.

В середине 1919 года в России решался вопрос о единстве страны. Принцип территориальной целостности страны пока не подвергался сомнению ни красными, ни белыми. Но союзники, хотя они и обещали адмиралу Колчаку сохранить единство России, в этом вопросе уже начали колебаться. На полях Гражданской войны решался вопрос, не истощатся ли силы всех объединителей, сцепившихся в истребительной схватке, не станет ли обессилевшая Россия призом более удачливого Запада.

Итак, из двух тенденций – сближения и разъединения – вторая вышла вперед. Европа отторгла Россию, Россия отторгла Запад. Отныне и на многие десятилетия воцарилось взаимное недоверие, выразившееся в изоляционизме Советского государства и в санитарном кордоне Запада после Первой мировой войны, в Варшавском Договоре и в НАТО после Второй мировой войны. И потребуются еще много усилий, прежде чем союз России и Запада из абстрактной схемы превратится в реальность, прежде чем большая Европа – от Парижа до Владивостока – снова станет притягательным проектом будущего. Вопрос в том, возможно ли это в принципе.

РОССИЯ, ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЗАПАДНЫЙ ПРОЕКТ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Весьма показательно, говоря о различиях Запада и России, признание экономиста Джеффри Сакса, анализировавшего причины провала либеральных реформ 1990-х годов в России. «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия, мы не знали, как его вылечить». Таким образом, известный идеолог неолиберальной политики констатировал факт, что анатомия России отлична от анатомии Запада.

В этой связи думаю, что завершить разговор о наших различиях с Западом и о причинах западной русофобии стоит рассмотрением вопроса о Византии. Возможно, обращение к этой проблеме приблизит нас к окончательному пониманию, за что же российский государственный проект так нелюбим на Западе. Для начала следует вспомнить, что гуманизм Ренессанса вовсе не единственный и феноменальный. В тени Возрождения остается гуманизм Византии XI – XIV веков, берущий истоки, как видим, значительно ранее. В это время в Византии возрождается и расцветает религи-

озный гуманизм, но имеющий принципиальные отличия от культурной западной проектности.

Водораздел западноевропейского и византийского гуманизма проходит по линии, основанной не на отрицании и умалении божественного начала, а на утверждении возможности обожения человека. Речь идет о возрождении и восстановлении канонов раннего христианства, получившего развитие в течение исихазма, призывающего к покою, созерцанию, безмолвию, что является неизменными атрибутами восприятия душой духовной реальности.

Свои истоки исихазм берет с творчества Симеона Нового Богослова и получает развитие в трудах Григория Паламы. После падения Византийской империи идеи восточного гуманизма не пресеклись, а перешли на Русь. Таким образом, следует понимать, что гуманизм сформировался и существует в двух различных формах: светской и религиозной. Следовательно, для поиска мировоззренческих ориентиров в современности следует не противопоставлять светский гуманизм религиозному, а настойчиво искать точки их соприкосновения в борьбе за истинную демократию и защиту прав человека.

Сегодня глобализация, глобализм отождествляются исключительно с западными ценностными подходами. Однако стоит задуматься над вопросом о том, является ли западный проект глобализации, западный глобализационный вектор единственным. Более того, возможно сформулировать проблему еще более смело, остро и перспективно: является ли сегодняшний западный проект западным, цивилизационно близким и продолжающим традиции Древнего

Рима, о чем постоянно напоминают современные западные глобалисты?

Попробуем выстроить цепь рассуждений и приблизиться к пониманию этой непростой проблемы. Если допустить, а исторические факты позволяют нам это сделать, что существуют два вектора глобализации, то следует прежде всего отметить их принципиальную разницу.

Восточный глобальный проект – явление сугубо идеологическое, а потому нередко завершающееся крахом в конечном итоге (Персия, Карфаген, Монгольская империя и т.д.).

Западный проект опирается на экономику, зачастую вырастает из технического задания, прикладного характера первоначального замысла. Великие географические открытия, экспедиции испанской и португальской короны в Америку, формирование Британской колониальной империи и т.п. имеют конкретное экономическое обоснование, проводились во имя наживы, приобретения материальных активов, усиления ресурсной базы.

На Востоке идеология подталкивала запрос на овладение ресурсами, задавая тональность активности. На Западе идеология служила оправданием уже состоявшегося обладания ими. В чем нельзя не заметить серьезную разницу. Таким образом, в экономической сфере Запад всегда был успешнее. Ситуация становится прямо противоположной, когда мы обращаемся к сфере духовного, культуры. В доантичный период и Средневековье подавляющее большинство открытий совершались в рамках восточного проекта. Возвращение знаний о себе Запад осуществлял лишь через арабскую и византийскую традиции, далее двинувшись по пути обмирщения мышления и потребностей, вследствие чего в со-

временном западном проекте возник дефицит распространения широкого гуманитарного образования. На этом фоне, подкрепленном философией потребления и вульгарного экононизма, на Западе возникла полная утрата восприятия реального мира во всем его многообразии. Латинская поговорка *ex oriente Lux* права: духовный свет доподлинно исходит с Востока. Весьма небезынтересным явлением в контексте противоборства двух проектов является византийский проект. Каково его место и где оно? На Востоке или Западе?

Византийская империя, или Восточная Римская империя, прежде всего, оставалась в варварском западном мире после падения в 475 году Западного Рима и была единственным законным представителем, продолжателем и хранителем традиций классического Рима. Эту простую и очевидную истину весьма часто забывают западноевропейские историки.

Варварское нашествие прервало римскую традицию на Западе, отбросив его на периферию развития, варваризировав Запад. Падение же Византии в 1475 году и подхватывание исторической преемственности Московской Русью, Третьим Римом, перенесло традицию византийской духовности и учености в Россию, тем самым сделав Русь продолжателем традиций цивилизованного центра, противопоставленного варварской периферии. Именно в этом сущность противостояния Востока и Запада, секрет многовековой ненависти варварского Запада к Византии и Руси-России.

Эгоизм, алчность, зависть к блистательному византийскому веку, бесспорному моральному авторитету Византии объединили Запад в борьбе с великой империей. Непрехо-

дящая общеевропейская ценность культурного наследия Византии после ее исчезновения быстро забылась, что позволило идейным последователям тех, кто с черной неблагодарностью наблюдал за ее гибелью, ученикам Вольтера и Гиббона, оболгать ее как сугубо восточную сатрапию, последствия чего сильно дают о себе знать как в западноевропейском, так и отечественном сознании.

Важно обратить внимание на тот факт, что Византия, или Восточная Римская империя, была продолжателем западного имперского политического проекта, а император в Константинополе оставался единственным законным цезарем. Стремление романо-германцев испепелить Византию ярко демонстрирует двойные стандарты средневекового Запада.

Ненависть к Византии во многом базировалась на ее легитимности, величии, могуществе и блеске. В силу этого византийские императоры были объявлены деспотами и тиранами. Варварские династии Запада стремились через уничтожение Византии присвоить себе право законных продолжателей традиций Рима.

Пороки, выявляемые и критикуемые в Византии, были далеко не чужды и западному обществу. Деспотизм, раболепие, произвол власть имущих, униженность низших сословий и бюрократизм ярко проступают на страницах произведений Джонатана Свифта и Франсуа Рабле. Пороки человеческой природы были общими для средневекового сознания как Византии, так и западной цивилизации. На этом фоне упускается из виду то, что, несомненно, в Византии было прогрессивно и чему Запад у нее научился. Партии, сенат, муниципальное самоуправление, унаследо-

ванные ею от античного периода, продолжали в ней функционировать тогда, когда в Европе о таких формах и не подозревали. Немаловажно отметить, что эти формы политической организации раньше всего возникли в европейских городах, находившихся под византийским контролем, в Венеции и Флоренции. Не стоит также забывать, что классический английский парламентаризм сформировался под непосредственным византийским влиянием. В Византии сохранялись и бережно передавались наследие философских и политических школ античности, фундаментальные естественно-научные знания, ставшие образцовыми для монастырей и университетов Запада. В VII веке в Византии существовали мастерские по изготовлению глобусов, тогда как аналогичное производство, и не без влияния Византии, открылось в Англии лишь в конце XI века. Система права, переработанная Юстинианом под потребности и запросы восточнохристианского общества, легла в основу концептуальных юридических систем Запада. Фресковая техника, романский стиль оказали огромное воздействие на изобразительное искусство Западной Европы. Сам Ренессанс был бы невозможен без византийского наследия. Его попросту не было бы.

Исходя из вышеизложенного, налицо проступает комплекс Запада перед Византией, сводящийся к осознанию непреложного факта, что перед ними законная наследница истинных европейских (римских) порядков, а они сами – варвары, сокрушившие Западную Римскую империю, но не одолевшие Восточную. Конечно, Запад хотел и хочет поныне освободиться от своего несовершенства, от комплекса нерадивого ученика. Однако преодоление этого комплекса

пошло по пути не изгнания из себя дикаря, а уничтожения зеркала, в котором тот отражался. Отсюда и вполне читаемая ненависть к русскому проекту, наследующему византийский.

Основным обвинением в адрес Византии, восточной са-трапии всегда было то, что Восток (Китай, Византия, Россия и т.д.) в качестве основного приоритета выдвигает идеологию, вследствие чего неизбежно страдает экономика. Все восточные проекты – идеократии, то есть основанные на первенстве идеологических ценностей. Предположим, что это утверждение верно.

Тогда что же мы наблюдаем сегодня? Полное изменение западного проекта, который на наших глазах, участвуя в санкционной войне, превращается в восточный, то есть абсолютно идеологизированный. И это ставит под большое сомнение успешность его завершения.

США, достигнув статуса Римской империи, поддались восточному соблазну. Их действия утратили прагматизм, и конечной целью внешней политики стал объявленный ими поход за всемирной демократией. В последнее десятилетие Америка впервые выдвинула идеологию в качестве обоснования своих прерогатив. С неумным азартом США участвовали и участвуют в локальных конфликтах и спецоперациях по всему миру – от Югославии, Ближнего Востока до Украины. Такой неуместный безоглядный кураж государства с походкой шатающегося пьяницы, нетвердо идущего за очередной порцией хмельного пойла, делает перспективу гибели западного проекта обоснованной реальностью. Не будем забывать, что именно за этот грех древнегреческие боги смертельно карали счастливицков.

Если принять вышеуказанную доказательную базу, что же мы увидим в сухом остатке? Византия – законная наследница Рима и его ценностей. Россия – наследница Византии, Третий Рим, а четвертому не бывать. Россия делает ставку на экономическое развитие, никому не навязывает свои ценности и смыслы, пытаясь лишь донести до мира правду о себе и своих намерениях.

Запад выступает как продолжатель традиций гуннов, готов, то есть варваров, старательно век от века бьющий зеркала, в которых отражается его истинное обличье, ненавидящий ненавистью нерадивого ученика своего строгого и справедливого наставника – Византию и Россию.

Таким образом, совершенно очевидно, что в последнее десятилетие западный проект, поставив на идеологию, переродился в восточный, а российский – открывшийся миру, со ставкой на экономическое развитие и гражданские свободы – в западный. В таком случае кто же кого учит? Варвары и дикари (Запад), экспортирующие демократию, легитимную наследницу Римской империи – Россию? Ведь можно и так сформулировать вопрос.

Однако воздержимся от любых упреков. Ведь наше рассуждение имело целью лишь несколько отрезвить тех, кто активно указывает нам на наше место в мире, сбить накал дискуссии и начать поиск пути к сближению, диалогу, поскольку кто на сегодня законный наследник высокой цивилизации – вопрос, однозначного ответа на который нет да и не будет. Это и не главное.

Главное – понять друг друга, попытаться начать игру с чистого листа, на принципах взаимного уважения строить новую мировую архитектуру, мировой порядок, в котором

будут созданы условия, для того чтобы ни одно государство мира не заняло господствующее положение сюзерена, диктующего свою волю вассалам.

И в завершение надо остановиться еще на одном важном обстоятельстве. Определить лидирующие позиции России в современном мироустройстве невозможно без выбора четкой и ясной идеологии. Сложившаяся сегодня ярусная модель мироустройства с нахождением стран Запада на вершине пирамиды обрекает Россию в лучшем случае на отсталость и вечно догоняющее развитие, а в худшем – на развал и распад государства. До последнего времени Россия пыталась войти в эту систему, найти в ней свою нишу, занять комфортные позиции.

Но со временем стало очевидно, что чем более Россия включалась в западный проект, тем более ухудшала свое положение. Окончательную ясность в отношениях России с Западом внесло воссоединение России и Крыма в 2014 году, когда наконец-то для российской политической элиты стало ясно, что встраивание России в Запад означает только одну перспективу – перспективу самоликвидации.

Таким образом, вопрос о выживании России заключается в выдвижении собственного проекта развития, основанного на российской идеологии. И такой идеологией выступает ценностная повестка ЛДПР и ее лидера – В.В. Жириновского.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
КАК ФАБРИКУЮТ НОВОСТИ. «ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО».....	9
РУССКИЙ ВОПРОС И ЛИНИЯ РУСОФОБИИ В ЕВРОПЕ	17
КАК РОССИЮ ВИДЯТ НА ЗАПАДЕ	27
ЧЕТЫРЕ ОБРАЗА РОССИИ.....	28
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ЭКСПАНСИИ ЗАПАДА.....	39
РОССИЯ – ЗАПАД. ИСТОРИЯ КОНТАКТОВ	45
ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА (1480 – 1600).....	50
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ РОМАНОВЫХ.....	59
РОЛЬ ПЕТРА I В ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИИ.....	64
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА В XIX ВЕКЕ	72
РОССИЯ И ЗАПАД С СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА ДО 1914 ГОДА	79
РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.....	86
РОССИЯ, ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЗАПАДНЫЙ ПРОЕКТ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)	102

Подписано в печать: 30.11.2017. Формат 60x90/5.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7. Тираж 30 000 экз.
Заказ . Изготовлено по заказу РССМ
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Ульяновский Дом печати».
Адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, д. 28

ЛДПР

**БЕСПЛАТНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ
ПРИХОДИТЕ! ЗВОНИТЕ! МЫ ПОМОЖЕМ!**

Приём осуществляется без предварительной записи

Общественные приёмные ЛДПР

г. Москва, ул. Моховая, д. 7,
ст. м. «Библиотека им. Ленина»
Тел.: 8 (495) 629-61-23,
по рабочим дням с 9 до 17 час.

г. Москва, Луков пер., д. 9,
ст. м. «Чистые пруды», «Тургеневская»
Тел.: 8 (495) 623-02-44,
по рабочим дням с 9 до 18 час.

г. Москва, ул. Новорязанская, д. 16/11,
ст. м. «Комсомольская», «Красные ворота»
Тел.: 8 (495) 530-62-03,
по рабочим дням с 9 до 18 час.

г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 3, стр. 1,
ст. м. «Комсомольская», тел.: 8 (495) 632-17-77.

8 (499) 263-13-01, 263-13-67,

info@ldpr.ru

Политическая партия ЛДПР —
Либерально-демократическая партия России

Председатель

Владимир Вольфович ЖИРИНОВСКИЙ
107078, г. Москва, 1-й Басманный пер.,
д. 3, стр. 1.

Тел.: 8 (495) 530-62-62

107045, г. Москва, Луков пер., д. 9.

Тел.: 8 (495) 623-02-44, e-mail: info@ldpr.ru.

Молодёжная организация ЛДПР

107045, г. Москва, Луков пер., д. 9,
ст. м. «Тургеневская», «Чистые пруды»,
«Сретенский бульвар».

Тел.: 8 (495) 632-93-62,

e-mail: urm-ldpr@mail.ru

Государственная Дума ФС РФ

Руководитель фракции ЛДПР

Владимир Вольфович ЖИРИНОВСКИЙ
103265, г. Москва, Охотный Ряд, д. 1.

Тел.: 8 (495) 692-11-95, 692-92-42.

Заместитель Председателя ГД ФС РФ,

Игорь Владимирович ЛЕБЕДЕВ

103265, г. Москва, Охотный Ряд, д. 1.

Тел.: 8 (495) 692-77-11, 692-80-01.

ldpr.ru, ldpr.pф, ldpr-tube.ru, ldpr.tv

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Учредитель

Владимир Вольфович
ЖИРИНОВСКИЙ

**НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
(БАКАЛАВРИАТ):**

Юриспруденция • Политология
Зарубежное регионоведение • Экономика
Психология • Менеджмент • Бизнес-информатика
Реклама и связи с общественностью

**НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
(МАГИСТРАТУРА):**

Психология • Зарубежное регионоведение

АСПИРАНТУРА ПО НАПРАВЛЕНИЯМ:

Экономика • Психологические науки

107078, г. Москва,

1-й Басманный пер., дом 3, стр. 1

(ст. м. "Комсомольская", "Бауманская",
"Красные ворота", "Красносельская")

Свидетельство о государственной аккредитации (до 19.07.2019)
серия 90A01 № 0001974 (рег. № 1781) от 28.03.2016.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ИННОВАЦИОННЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ФС РФ

САМАЯ ДЕШЕВАЯ
СТОЛОВАЯ

САМОЕ ДЕШЕВОЕ
ОБЩЕЖИТИЕ

САМОЕ ДЕШЕВОЕ
ОБУЧЕНИЕ

ЛЕКЦИИ
ДЕПУТАТОВ, ПОЛИТИКОВ, ЭКСПЕРТОВ

СПОРТЗАЛ

ПРАКТИКА

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ФС РФ
ОТСРОЧКА ОТ АРМИИ

8 (495) 632-17-70

8 (800) 234-77-20

8 (919) 99-834-99

(звонок бесплатный по России)

www.imc-i.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

До недавнего времени все шесть основных мировых цивилизаций обозначались по религиозному принципу. Сегодня мир перешел в новую фазу межцивилизационного противостояния, название которому: «Две политические цивилизации – Запад против России».

Буржуазные революции в Европе были использованы масонами в качестве почвы для разрушения европейских монархий и построения общеевропейского государства.

Однако русский царь, исторически связанный монархическими узами с другими европейскими династиями, помогал им устоять. Это порождало ненависть к России со стороны как масонов, так и Запада в целом. Россия уже тогда мешала Западу.

